

ШАМИЛЬ ИДИЯТУЛЛИН

БЫВШАЯ ЛЕНИНА

Лауреат премии
«Большая книга»

АКТУАЛЬНЫЙ
РОМАН

Актуальный роман

Шамиль Идиатуллин

Бывшая Ленина

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Идиатуллин Ш. Ш.

Бывшая Ленина / Ш. Ш. Идиатуллин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Актуальный роман)

Шамиль Идиатуллин – журналист и прозаик. Родился в 1971 году, окончил журфак Казанского университета, работает в ИД «Коммерсантъ». Автор романов «Татарский удар», «СССР™», «Убыр» (дилогия), «Это просто игра», «За старшего», «Город Брежнев» (премия «БОЛЬШАЯ КНИГА»). Действие его нового романа «Бывшая Ленина» разворачивается в 2019 году – благополучном и тревожном. Провинциальный город Чупов. На окраине стремительно растет гигантская областная свалка, а главу снимают за взятки. Простой чиновник Даниил Митрофанов, его жена Лена и их дочь Саша – благополучная семья. Но в одночасье налаженный механизм ломается. Вся жизнь оказывается – бывшая, и даже квартира детства – на «бывшей Ленина». Наверное, нужно начать всё заново, но для этого – победить апатию, себя и... свалку.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Идиатуллин Ш. Ш., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	40
Глава восьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Шамиль Идиатуллин

Бывшая Ленина. роман

© Идиатуллин Ш.Ш., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Преуспел тот, кто очистился.
Сура «Всевышний»

Пролог

Кто родится чистым от нечистого? Ни один.
Книга Иова

Больше всего Лиля боялась за тесто: молоко оказалось задумчивым, батареи грели так себе, хоть на кастрюлю садись, чтобы поднялось поскорее. Но тесто поспело вовремя, пироги тоже, а вот сын с семьей опоздал. Сперва задержался на совещании – бог весть, какие уж там совещания в субботу, тем более в праздничную, но Даня врать не будет, – потом перезванивал и говорил, что ждут Сашеньку, но приехали все равно без Сашеньки.

Даня смотрел виновато и бормотал про отмену электричек из-за праздника. Лена смотрела еще виноватей, передавала горячие приветы и норовила, еще не сняв пальто, проиграть Лиле присланное Сашенькой видеопоздравление.

Увидев Даню, Лиля вздрогнула – не потому, что он опять пополнел и выглядел утомленным, а потому, что он снова был не похож на того мальчика, который всегда жил в сознании Лили и ради которого она, в общем-то, существовала. Лиля замешкалась, решая, обнять сына или нет, – и, когда решилась, было уже неловко. А саму Лилю обняла Лена, ловко, не прерывая щебетания и поиска в телефоне, – вот ведь ушлая какая.

Лиля, придя в себя, старательно рассмеялась, видео отодвинула на «потом-потом» и велела скорее мыть руки и садиться. Пироги в духовке вот-вот подсыхать начнут, а нам еще салаты и рыбку попробовать надо. Рыбку надо каждый день есть, по телевизору сказали – особенно в наших условиях.

Даня немедленно забурчал про телевизор и про тех, кто его смотрит, Лена, посмеиваясь, поддержала Лилю: да, рыба ужасно полезна, там фосфор и жирные кислоты омега-3, ой, а это же моя любимая, спасибо, Лиль Васильна, только вы так умеете. Речь Лены журчала, переливалась и могла опять накрыть Лилю теми чувствами, которые заставляют опасть, тихо проливаясь слезами, прохладными и малосольными, и которыми накрываться поздно, да и просто нельзя. Поэтому Лиля торопливо, почти как сын, буркнула, чтобы начинали, и поспешила к пирогам, а выйдя из комнаты, остановилась отдышаться, раздавить спазм, чтобы сглотнулся и не мучил. Получилось. И получилось услышать, как Даня говорит сквозь щебетание:

– Надо было все-таки, чтобы приехала.

Щебетание почти без паузы сменилось жарким шепотом:

– Даня, ну что ребенка мучить. Ей к сессии готовиться...

– Да что ты рассказываешь. Чтобы Санька к сессии – в марте? Любовь очередная просто.

– Ну и любовь, – строго сказала Лена. – Любовь поважнее сессии будет.

– Вот привезет она тебе поважнее сессии... Готова сама-то в бабушки?..

Лена хихикнула, но тут же зашептала строже. Лиля больше не слушала – ушла на кухню, на автомате заглянула в духовку, не понимая ни зачем, ни что видит, и точно так же, не понимая устала в окно. За окном было сумрачно и сыро. Раньше Лиля бы сказала «свежо», но теперь это слово не подходило ни к погоде, ни к городу, ни к жизни.

Лилино отражение в стекле тоже было сумрачным, сырым и совсем не свежим.

Она сняла влагу с ресниц, мимоходом порадовавшись, что перестала пользоваться косметикой, беззвучно высморкалась в салфетку, поморгала, рассмотрела себя в стекле и пошла было в комнату, да вспомнила, что приходила проверить пироги.

Пироги были молодцами, хоть в гвардию бери, – точны, честны и не подводят. Все бы так. Балиш, мясной с картошкой, потемнел и не протекал бульоном, который Лиля залила в специальное окошко полчаса назад. Заткнувшая окошко пробка из теста тоже потемнела и прикипела к крышке пирога так, что щели не видать. Можно нести. И пирог с калиной доходил,

будто опробованный Лилей лишь однажды, но впечатливший навсегда поезд «Сапсан», ровно по расписанию, через полчаса можно будет вынимать.

Лиля, вооружившись прихватками, ловко извлекла и водрузила на дощечку сковороду с балишом, цыкнула на Лену, которая, конечно, прибежала помогать, и торжественно вынесла пирог на стол.

Она все-таки немножко волновалась, срезая и поднимая крышку, – пробовать-то нельзя, да и не могла Лиля больше пробовать, – но уже по столбу пара, рванувшему к люстре, было понятно, что пирог удался. Картошка проварилась, мясо под вилкой было мягким, тесто – тонким и твердым, пирог наверняка обжигал нёбо, таял во рту, падал в желудок и оттуда почти слышно звал следующий кусок. Но все равно съесть удалось только крышку и треть начинки. Порцию со своей тарелки Лиля незаметно перебросила Дане – ну как незаметно, Лена заметила, конечно. Виду не подала, на том спасибо.

– Свекровь моя говорила: пока тебе не съел, умирать нельзя, – огорченно сказала Лиля и пояснила Лене: – Тебе – это дно, самое вкусное.

– Да-да, помню. Тогда мы брать не будем, вам оставим, а вы не ешьте, – сказала Лена, привычно заливаясь негромким звонким смехом.

– Нет уж, куда мне, старой. Возьмете, Сашеньке... А, да. Она когда приедет-то?

Даня с Леной переглянулись и торопливо заговорили вроде бы разное, но быстро объединенное в «К твоему дню рождения уж точно, да, вот заодно и с Восьмым марта поздравит, да». Настоящая семья – она как хороший древний флакон с притертой пробкой: внутри может карбид бурлить, но наружу не просочится ни флюидика. Тут можно быть спокойной, подумала Лиля и снова поплыла.

Дети, не дождавшись ответа, начали обеспокоенно спрашивать, а Лиля, растерянно улыбаясь, пыталась вспомнить, когда у нее день рождения и сколько ей исполнится. Лена уже вскочила с места и трогала пульс, вкусно дыша укропом и луком – хороший пирог даже на выдохе хорош, – когда Лиля не только сообразила, что ни дата, ни возраст уже не имеют никакого значения, но и опомнилась, поняла, что насмерть всех перепугает, и принялась быстро говорить, еще не придумав, что именно скажет. Получилось нормально, про важность учебы, – и сразу удалось не забыть про подарки: вот Дане носочки на Двадцать третье, шерстяные, хорошие, и сразу Сашеньке сережки на Восьмое марта, мне свекровь дарила, не очень модные, но чистое серебро, может, понравятся.

– А я их помню, – сказал Даня, заулыбавшись, – только у Саньки уши-то пока не проколоты.

– Теперь проколет, – отрезала Лена и принялась вертеть серьги в руках, громко восхищаться, прикладывая к ушам и сетовать на Сашу-балду, пропускающую такое счастье.

Сама хотела вручить, но коли дела, пусть делает, конечно, торопливо, чтобы не соскочить со спасительной кромки, продолжала Лиля, пусть старается Сашенька, учится, место себе хорошее подбирает, дай бог, дай бог, сейчас с работой так сложно, и с остальным, ладно хоть... Тут опять пришлось резко менять тему, и снова удачно: вспомнила про пенсии и вернула, что Сашеньку все эти ужасы с увеличением пенсионного возраста пока не трогают. А ляпнула бы, как собиралась, что ладно хоть с жильем проблем не будет, бывшая Ленина остается, которую Лиля так и не научилась считать своей, – опять начались бы преувеличенные возмущения.

– Нас зато трогают, – вспламенилась Лена. – Фиг нам теперь, а не пенсии. И слова-то, главное, какие: возраст дожития!

Действительно, подумала Лиля, опять соскальзывая в слезливую яму, но быстро поймала себя за шкуру, подняла и отправила готовить чай. Даня и Лена ничего не заметили – Лена вещала, Даня набирался сил для тебе. Хороший мальчик.

Пока заваривался чай, Лиля догрустила, успокоилась и встревожилась снова. Тревогу она вынесла вместе с чайниками.

– Дань, Лен, а на работе-то нормально? А то как начнут средний возраст чистить, пока наказания за это не действуют – в телевизоре сказали...

– Кто конкретно сказал – имена, явки? – строго спросил Даня.

Лиля привычно рассмеялась. Даня продолжил:

– Да пусть чистят, потом сами...

– В смысле – пусть?.. – испугалась Лена, а Лиля застыла, переводя взгляд с сына на сноху. – Балясников опять, что ли?

– Нормально все, – отрезал Даня, встал и начал разливать чай. Посмотрел на мать и включил режим мягкого увещания: – Мамуль, реально все нормуль. Не парься. Оксана ценит, а Балясников у нас дурак, но не настолько. Да и не успеет – если что, первый уйду.

– Дань, – сказала Лена.

Даня сделал жест, Лена потупилась.

– Пьем чай, – велел Даня и шумно вдохнул. – Ах какой.

– Пирог-то! – всполошилась Лиля, бросаясь на кухню. В спину ей потекли два протяжных стонов.

– А вот нечего, – строго сказала Лиля, тормознув на секунду. – По куску каждый – и с собой возьмете.

По куску не осилили – Лена отщипнула, Даня куснул и обвис на спинке стула с отваленной челюстью, плясая тем трагичней, чем громче хохотали дамы, – но с собой забрали и балиш, и с калиной, пообещав пару кусков заморозить и отвезти как-нибудь Саше.

– Да она и свежий поест, на день рождения, если пригласите засранку такую, да, Лиль Васильна? – спросила Лена улыбаясь. Она уже успела убрать со стола, помыть посуду, рассовать пироги и рыбу по контейнерам и покорно принять большинство контейнеров в пакет, который всучила Дане.

Даня кашлянул – грех не воспользоваться.

– Простыл, что ли? – сурово уточнила Лиля. – Варенье малиновое у вас есть? Вон, возьмите. Берите-берите, у меня три банки, куда мне...

На стоны, уговоры и обьятия ушло еще минуты три. Лиля вытерпела. Дверь затворилась, когда сил у Лили не осталось даже чтобы щелкнуть замком. Она вслепую опустилась на стул, который последние полгода не убирала из прихожей, глубоко вздохнула и заплакала.

Затрещал звонок, незапертая дверь тут же отошла, Лена сунулась со словами: «Ой, Лиль Васильна, я же телефон на зарядке...» – и увидела слезы.

Она рухнула на колени рядом со стулом и стала обеспокоенно выпрашивать, утешать, обнимая и поглаживая по плечам. Лиле было стыдно и неловко – и вообще, и оттого, что любые прикосновения заставляют ее корчиться от боли и омерзения, а Лена может это заметить, а объяснять ничего нельзя. Лиля торопливо вскочила и побежала за телефоном, бормоча, что, наоборот, радуюсь, что вы хорошие такие и что так хорошо у вас всё, а сама просто устала очень, и Сашеньку увидеть хотела, чтобы лично сережки вручить, ну и накопилось.

– Авитаминоз, – уверенно сказала Лена, всматриваясь в Лилю с любовью и жалостью. – Вы бы сами малиновое-то, ой нет, от него потеть будете. Давайте я вам витаминчиков куплю и принесу, прямо завтра – нет, завтра не получится, я ж в Саратовск, тогда на той неделе, до четверга точно. Хорошо?

– Ой, да эти витаминчики – обман сплошной, по телевизору сказали...

– Кто конкретно сказал? – грозно поинтересовалась Лена с совершенно Даниными интонациями и сама засмеялась раньше Лили.

– Да уж там говорят, все время. Леночка, ты же взмокла, простынешь.

– Мы в машине, что вы, Лиль Васильна, да и ехать тут – ни согреться, ни замерзнуть не успеешь.

– И успевать не надо. Ты, Лен, не болей. И Даню с Сашенькой береги, ладно?

– Да как всегда, – серьезно ответила Лена, рассматривая Лилю. – У вас все нормально? Потому что...

Телефон в руках Лили запел, она торопливо передала его Лене, та вскинулась:

– Ой, Даня, что-то быстро заскучал. Да-да, все хорошо, в лифте не застряла, спускаюсь уже. Знаешь, кто тебе привет передает? Ма-ама. Помаши маме ручкой. О, Лиль Васильна, машет, сказал.

Лиля заулыбалась, обняла Лену, почти ничего уже не чувствуя, и ласково вытолкнула ее за дверь.

– На той неделе, – пообещала Лена вполголоса, прикрыв микрофон пальцами, и не очень ловко зашагала вниз по лестнице.

Лиля заперла дверь и снова опустилась на стул. Плакать не хотелось, но не хотелось и идти к окну, смотреть, как дети садятся в машину и трогаются со двора на бывшую Ленина, ныне Преображенскую, по-детски маша растопыренными пальцами в сторону окошек – которые все равно закрыты ветками, густыми даже в февральской нагоде. Лиля вяло подняла руку, пошевелила пальчиками как бы в ответ, уронила руку на колено и некоторое время ее разглядывала. Клеточки-складочки-пятнышки. Потом вскочила и как могла быстро подошла к окну.

Даня с Леной, конечно, уже уехали. Во дворе никого не было, как обычно в последние полгода, хотя зимой с запахом стало полегче, а дальше, наверное, будет еще легче, не зря же митинг в начале месяца прошел. Только голуби деловито бродили по газону, а их старательно не замечала крупная серая кошка. Лиля то и дело теряла ее из виду, тут же обнаруживая на пару шагов ближе к голубям.

Вечная история – одни подкрадываются, другие спасаются или не успевают, а я смотрю, подумала Лиля. А если бы не смотрела, было бы то же самое – одни бы крались, другие бы пытались спастись. И до меня так было. И когда меня не будет, все останется таким же. А я думала, все это ради меня.

Как глупо. И как несправедливо.

Голуби с шумом вспорхнули и грузно оккупировали голые деревья. Ветки закачались. Кошка презрительно мотнула головой и ушла к мусорным бакам.

Хорошо, что кошку не завела, подумала Лиля.

И посидели сегодня хорошо, ну пусть не хорошо, но по-человечески. Хоть это успела.

Лиля подумала, не оставить ли записку Сашеньке, но решила не терзать ни ее, ни себя. И так все останется. Бывшая Ленина лучше, чем записка. Наверное.

Лиля вздохнула, открыла шифоньер, вытащила и положила на обеденный стол похоронное платье, чтобы не искали, и начала собирать сумку в больницу.

Часть первая

*Скажи обмазывающим стену грязью, что она упадет.
Книга пророка Иезекииля*

Глава первая

Ему приснилось, что мама умерла. Тихо и незаметно, как и жила. Гроб стоял на табуретах посреди зала и казался почти пустым – если не всматриваться. Он очень старался не всматриваться, но не мог отвести взгляд. Глаза цеплялись за острый носик, за бледные веки на дне пустых будто глазниц, за серые ямы под скулами, за небольшую голову, которую словно для маскировки замотали в белый платок и сунули поглубже в подушку. Глаза цеплялись, наливались слезами, и в них, как в линзе, мамино мертвое лицо росло, а он падал на него, чтобы поцеловать, но это была не мама – у мамы кожа теплая, а тут холодная плотная резина, и пахнет не человеком, а химией. Химию он ненавидел с детства.

Сердце забыло, что делать. Жаркое тяжелое горе поднялось из груди в горло и вытекло коротким стоном.

Он сел в постели, сипло вдохнул, поморгал и поспешно оглянулся.

В спальне было темно и тихо. Небо за окном оставалось серым, двор под окном – пустым, как и другая половина кровати. В туалет, видимо, вышла или согрешить с холодильником. И хорошо, а то опять засуетилась бы, стала спрашивать про дурной сон, а он таких расспросов не любил.

Но сейчас важнее было другое. Вот что важно, понял он: это просто сон, дурной, поганый и оставшийся там, в сырой подушке. Он засмеялся с коротким облегчением, поспешно вытирая глаза, и заснул.

Жаркое тяжелое горе затопило плечи и голову, не оставив ни надежды, ни смысла.

Это был не сон.

Он всхлипнул и затрясся. Услышит же, подумал он со стыдом, но это не помогло – успокоиться не получилось. Он поспешно встал, добрел до ванной и, не включая света, залез под душ. Вслепую отрегулировать воду не удавалось – сперва текла застывшая за полночи в трубах, потом ударил почти что кипятком. Это разозлило, зато отвлекло.

Наконец он справился и некоторое время, уперевшись лбом в невидимые керамические цветочки, дышал, пока душ острыми прохладными пальчиками не вытолкал жаркий бессмысленный ужас сперва из головы, потом из плеч и груди. Полностью, конечно, выдавить не удалось – нет в организме краника для слива лишних чувств. Но он пришел в себя – в такого, которого показывать не стыдно. Кому показывать только? Лене, кто еще за мной смотрит-то день и ночь.

Выпить надо, вот что, решил он, вышагнул из ванны, чуть не грохнувшись в темноте, растерся, как смог, небольшим полотенчиком – банного, как всегда, в готовности не оказалось, идешь мыться – бери с собой, а копить не надо, не для того ремонт делали, – влажно дошлепал до кухни и щелкнул выключателем.

Лена вздрогнула с забавным звуком. Она, уперевшись локтями в стол, пялилась в окно, такое же пустое, как и в спальне, и ничего, похоже, не видела и не слышала.

– Дань, ты?.. Чего не?..

Она снова отвернулась к окну, сморкаясь в салфетку – похоже, последнюю: из картонной коробки белый хвост не торчал, зато салфетные комья рядом выстроили солидную горку. Даниил понял, что можно ни на один из вопросов не отвечать, и слава богу, а то ведь отве-

тил бы. Он некоторое время разглядывал крашеный пучок на затылке и мелко двигающиеся плечи. Рыдает прямо, подумал он с холодным неудовольствием. Как будто это ее мать померла. Конечно, свою не помнит, вот по моей и рыдает. По живой бы так – ну, не рыдала, но помогала бы ей, что ли.

Мысль была нечестной – Лена и рыдала вместе с матерью Даниила, когда обеим хотелось, и помогала ей, и все уговаривала ее пройти обследование, и напрягала Даниила, и он все собирался надавить и уговорить, а потом оказалось поздно, – и от этого было невыносимо погано.

Она тебе даже на Восьмое марта ничего не подарила, Саньке приготовила, мне вручила, а тебе нет, а ты ей два комплекта постельного белья из Сарасовска перла, теперь в шкафу место занимают, – так чего ж ты строишь из себя страдальцу-то, подумал он, мстительно давя неловкий стыд.

Лена Даниилову мать любила вроде бы вполне искренне, чего Даниил так и не смог понять. Сам он к Лениным родственникам, в основном, к счастью, уже покойным либо без-опасно далеким, относился в лучшем случае с благожелательной иронией, и оснований пола-гать, что у кого-то бывает иначе, не накопил.

Даниил отвел глаза от плачущей жены и потоптался, размышляя, не предложить ли и ей выпить – хотя она водку и не пьет почти. Не успел. Лена порывисто вскочила, промаргиваясь, и сказала:

– Давай афобазол или корвалол дам, если спать никак.

– Не, – сказал Даниил. – Нормально.

– Как нормально, я же вижу, – начала было Лена, запнулась, села, уткнулась плаксиво растянутым ртом в кулак с растерзанной салфеткой и затряслась.

Даниил с трудом удержался от реплики «Хорош страдать уже». Остаться тут было невозможно, спать – тем более. Он заставил себя шагнуть к жене и погладить ее по плечу.

– Прогуляемся, может? – предложил он.

Лена вскинула зареванные глаза.

– Так ночь на дворе. И куда я в таком виде, совсем с ума спятил?

Даниил кивнул и пошел одеваться. Лена явно переполошилась:

– Дань, ты куда на ночь?..

– Пройдусь, – бросил он через плечо. – Не дергайся, я быстро.

Уже в лифте Даниил задним числом придумал, что идет в магазин, и двинулся туда сквозь папахивающую мусоркой прохладу, не задерживаясь и стараясь не глядеть на свои окна. Чего глядеть-то – и так понятно, что за стеклом мутным пятном маячит лицо Лены, которая, как всегда, следит, контролирует и пытается заботиться обо всем, до чего дотянулась.

Матери это не помогло, а Даниилу не помешает.

Даниил был равнодушен к крепкому алкоголю. Он пиво любил, пшеничное нефильтрованное. Но иногда требовалось накатить и забыться, и вот тут лучше водки был разве что све-кольный самогон дяди Севы – или сразу киянка в лоб.

Киянка или что-то типа едва не стала более вероятным вариантом.

Было еще не слишком поздно, едва за полночь. Пузатый охранник круглосуточной «Кор-зинки» дремал в стойке «вольно», продавщицы позевывали, но Даниил, вопреки ожиданию, оказался не единственным покупателем. Не мне одному забыться надо, подумал он горько и направился к винным стеллажам. Какой-то идиот расставил вокруг них тележки так, что не пройти. Даниил ругнулся вполголоса, продавился вдоль ручки одной из тележек и принялся изучать ассортимент. Не хотелось брать ни пафосные бутылки с матовым напылением, ни деше-вые мерзавчики. Маме с папой было легче – «Пшеничная» да «Столичная», если повезет, с черной этикеткой, подумал он, а зря. Углы губ потянуло, в бронхах заклохтало, он торопливо рванулся, защемляя и обдирая, кажется, тележками бедро сквозь джинсы, и наугад выхватил за горлышко ближайшую бутылку.

– Мужчина, вы что делаете? – спросили за спиной.

Девчонка в салатной униформе продавца с искренним возмущением смотрела на Даниила поверх прижатой к груди стопки пустых картонных упаковок.

– У самой никаких идей нет? – осведомился он, неудобно растирая ушиб справа левой ладонью. – Чего вы тут баррикады устроили, аллонз анфан, блин, только голой сиськи не хватает? Восьмое марта перепраздновали, что ли?

– Вы что такое... – девчонка сморгнула, затвердела лицом и осведомилась: – Охрану позвать?

– Давай, побольше только, – разрешил Даниил и стал протискиваться на волю.

Девчонка тощим бедром пихнула ряд тележек обратно и громко позвала:

– Леша-а, быстро сюда, пожалуйста!

Даниил посмотрел на преградившую проход тележку и сильно толкнул ее, процедив:

– Дура, что ли?

Тележки клацнули решетчатыми бортами в десяти сантиметрах от девушки. Она отшатнулась, роняя картонки, и крикнула громче:

– Леша, быстрее!

Пузатый охранник уже пер от входа, едва не сшибая стеллажи.

Даниил поймал себя на паре трусливых мыслей, разозлился и перехватил бутылку, как гранату.

Сбоку сказали:

– Даниил Юрьевич, вы же лично постановление готовили про то, что нельзя водку отпускать и так далее после двадцати двух.

Даниил злобно зыркнул, вздохнул, аккуратно поставил бутылку на стеллаж и сказал:

– Добрый вечер, Оксана Викторовна.

Глава вторая

Ветер был сильным, хоть и не очень свежим – спасибо Новожизневскому полигону, – но с облаками не справился. Звезд так и не было видно. Оксана поежилась и сказала:

– У меня дома бутылка, кажется, есть, выдам легко.

Митрофанов обозначил пальцами, будто отмахивается.

– Да все равно никто не пьет, а дом – вон он, – пояснила Оксана.

– Да у меня самого дома полно, никто не пьет, и дом вон, – помолчав, ответил Митрофанов. Голос у него был сипловат, но не с похмелья и даже не со сна. На самом деле не было похоже, что он пил последнее время. Или вообще. Впрочем, Оксана не была особенным специалистом в этом вопросе, бог миловал. Оксана вспомнила, что Митрофанов и восьмимартовские поздравления профилонил, хотя деньги сдавал, Оксане бы сказали, если бы не. Скинулся и воздержался, ишь ты какой.

Митрофанов стоял неподвижно, разглядывая то ли кончики туфель Оксаны, то ли колени. И то и другое было ничего себе и повода стесняться не давало, но Оксане стало слегка неуютно. Не с таким выражением лица ее обычно рассматривали, детально и целокупно. Тем более посреди ночи.

Что-то с Митрофановым было не так. Последние недели Оксана едва ли не ночевала в Желтом доме – мэрия оправдывала прозвище, истово kloкоча, дурдом как есть. В конторе Оксана почти не появлялась и по пустякам просила не беспокоить. Она смутно припомнила, что Савельева что-то обсуждала с главбухом, сочувственно поглядывая на привычно сторбившегося над бумагами Митрофанова. Но Оксане никто ни о чем не докладывал – значит, ее внимания вопрос не стоил. В любом случае, душевное состояние, моральный облик и личная жизнь сотрудников за пределами офиса нормальное начальство трогать не должны.

Оксана снова поежилась, покосилась на охранника, увлеченно исполнявшего роль грозного стража ворот, к которому только подойди, у-у, – и предложила.

– Давайте мы вас проводим, все равно по пути, почти.

– Еще не хватало, – буркнул Митрофанов, спохватился и добавил: – Спасибо, Оксана Викторовна. Я это... Нормально уже. До свидания.

Он неловко кивнул и пошел – в ту сторону, в которую указывал на «дом вон».

– В понедельник, если плохо себя чувствуете, дома посидите, – сказала Оксана вслед и тут же пожалела об этом. Сроки душили, а перед праздниками правовой департамент сбросил на оценку новую кучу проектов по наружке и нестационарным торговым точкам.

Митрофанов, не останавливаясь, помотал головой и повторил:

– Нормально уже, спасибо.

Ну нормально так нормально, подумала Оксана, проследила, чтобы Митрофанов не нырнул под редкую машину на перекрестке, и вернулась в магазин мимо невыразимо уже грозного и мужественного охранника.

Тимофея искать особо не пришлось – само собой, он, задравши очки на лоб, залип в телефончик возле йогуртов, где Оксана его и оставила пятнадцать минут назад.

– Все взял? – спросила Оксана, спокойно изучая пустую тележку.

– Ага, почти, – сказал Тимофей, не отрываясь от экрана. – Гля, чего эта тэпэ опять выложила.

Оксана, как всегда, ответила: «Видела уже» – так было проще, – и сама принялась загружать тележку. Тимофей, тоже как всегда, зашевелился через полминуты: поймал неуютность, убрал телефон, попыхтел рядом и ушел собирать зелень. Все равно не ту возьмет, рукколы нахватает вместо укропа. Зато при деле мужчина.

Ночные закупки – особое искусство. Нельзя брать помногу и готовое к употреблению: употребить захочется немедленно, а есть после двух ночи гораздо некошерней, чем после шести вечера. А мало брать просто глупо: кой смысл красть у себя кусок ночи, чтобы на следующую ночь снова в магазин бежать? Ночи – они не для этого.

Осталось понять, для чего. С Тимофеем понять не выходило.

Мало с кем выходило. Конечно, первые недели при очередном мол-челе были насыщенными и на износ, но затем все неизбежно устаканивалось: ужин, сериал под вино – и в кровать попом кверху. Зачем только Марка к маме на выходные отправляла, мог спокойно и без ущерба для детской психики соседствовать на своем диванчике.

То есть был, конечно, Рустик – веселый, неутомимый и гиперактивный. Потому что чересчур молодой, незаезженный еще. Но он затрахал во всех смыслах.

Иногда Оксана вспоминала Рустика с умилением, иногда – с легкой тоской, но в основном – с раздражением. Должен же даже мол-мол-мол-чел понимать, когда нужно, когда можно, а когда пора уже успокоиться. Спать хочется, на работу с ранья, а он опять «давай-давай». Точно соревнуется или доказывает что-то кому-то.

Тимофей, слава богу, с самого начала никому ничего не доказывал. С ним было просто и легко, иногда комфортно. Он даже бесил комфортно, обозначая для себя и остальных мягкие границы, которые никак невозможно перескочить и о которые невозможно расшибиться. Поорут друг на друга, подуются, Тимофей уйдет, скомкав бороду, Оксана всплакнет по былому и несбывшемуся, а через пару часов он прибежит с вином и креветками, она согласится отдать вечер «Нетфликсу», лишь иногда, вопреки свежей традиции диванолубивого американского народа, перетекающему в секс, тихий и уютный, – взрослые же люди. И снова мир, покой и местами комфорт до конца выходных. Идеальный бойфренд на уик-энд.

Сегодня нетфликснуть не получилось ни в каком смысле. Оксана не возражала бы против любого, но Тимофей на полдороге опять сгинул в телефоне, а едва ступив на порог и поспешно скинув «нюобалансы», плюхнулся в кресло-мешок и не вставал оттуда минут сорок. Он явно забыл о грандиозных планах непременно посвятить всю ночь и полвоскресенья просмотру чего-то там остро необходимого всякому современному человеку. Общался с кем-то более насущным или опять ковырял эпизоды для своих «мэш-инок».

Оксана разобрала пакеты, приготовила легкий ужин на двоих, накрыла, два раза позвала, а на третий Тимофей заткнулся наушниками. Оксана кивнула, поела, попила воды, убрала свою тарелку в посудомойку, а Тимофееву – в холодильник – и через ванную пошла спать.

Тимофей возник в спальне, когда Оксана уже засыпала, – с виноватым «ну чего ты» и боязливыми ласками. Ласки были приятны, но сон – приятней, так что Оксана, почти не размыкая губ, попросила: «Тщ-щ, завтра» – и быстро соскользнула обратно в дремоту. Тимофей не стал ни мешать, ни обижаться – в этом он был молодец. Хотя бы в этом.

Оксану разбудило солнце. Оно ловко продавилось между недосомкнутыми шторами и легло на лицо полоской, слепящей даже сквозь веки.

Оксана готова была осерчать: каждый день поднимают будильник и дураки-начальники или сослуживцы, а в последний из длинных выходных еще и природа становится предателем, – но удержала себя в расслабленно-сонном состоянии. Оно ловко подsunуло другую трактовку: зима прошла, скоро лето, солнышко гладит только Оксану, а природа шепчет ласковые обещания, которые, может, и выполнит. Стало приятно. Шепот – веток, например, – и свежесть ветерка из форточки добавили бы приятности, но ветерок на этой неделе был северо-западным, так что лучше с ним не соприкасаться.

Оксана понежилась пару минут, сладко потянулась и зевнула, чуть не вывихнув челюсть, хихикнула по этому поводу, сползла с подушки, чтобы убрать луч с лица, и стала, как в садике, подсматривать за миром одним глазом.

Мир был не таким интересным, как в садике, но довольно симпатичным. Кусок стены с дизайнерскими обоями, совсем неевклидовый от затененности и зажмуренности второго глаза, чистенькая простынь, на ней чистенький кусок крепкого плеча и клок бороды. Оксана некоторое время размышляла над тем, как этот клок мог попасть на плечо. Ни к чему не придя, вытянула руку и осторожно исследовала загадочный участок. Ага, это он съезжился, а борода встопорщилась. Интересно. Только ли борода встопорщилась? Нет. Молодец.

Но не будем торопиться.

Оксана осторожно, чтобы не расплескать мление, соскользнула с постели, прошла минимальный утренний туалет, налила фильтрованной воды и, прихлебывая, провела легкую инспекцию. Тарелка из холодильника, опустев, переместилась в посудомойку, одежда была аккуратно сложена у изголовья, там же лежал телефон, поставленный на зарядку. Оксана хмыкнула. Зарядку Тимофей воткнул в тот самый удлинитель, который давеча лично отсоединил, экспериментируя с предпросмотровой перестановкой компонентов домашнего кинотеатра.

Вот и хорошо.

Оксана, опростав стакан, поставила его на пол, сняла с себя лишнее и, катая сладковатую воду во рту, осторожно, без веса, села Тимофею на бедра. Тимофей поморщился, но не проснулся – дрых самозабвенно.

Он был смешной и трогательный. Худой мальчишечка с бородой, ухоженной даже во сне. Сперва ее укладывает, потом себя.

Оксана погладила бороду, снова удивившись, какая она мягонькая и шелковистая. Грудь и живот, впрочем, тоже. Оксана погладила понастойчивей, но без фанатизма. Проснешься – твое, нет – так извини. С другой стороны, было бы интересно попробовать, пока спит...

И тут он проснулся.

Ну и так тоже хорошо может выйти. И войти. Вот так.

Тимофей замер, пытаясь сообразить, что уместней и вежливей – сохранять зажмуренную неподвижность или потихонечку продирать глаза, автономные и чумные с утра. Оксана не собиралась ни помогать ему, ни подсказывать – занята была.

Он справился сам, неплохо – как обычно, когда телефон или ноут не отвлекали. Выпрямлялся, приподнимался, поддерживал, гладил – и вдруг вздумал болтать:

– Оксан, сорян, что вчера тупил. Заказ наиважняк, сама понимаешь.

Какой заказ, хотела спросить Оксана, но тут ей стало ни до чего, и она выдохнула: «Тщщ».

– Они там ботов подтянули, купили, что ли... – пропыхтел Тимофей по разделениям, упорно не желая врубаться в текущий и нарастающий момент.

– Заткни-ись, – прошипела Оксана и для убедительности схватила его за бороду.

Тимофей наконец заткнулся. И стало хорошо.

Не запредельно, но вполне.

Чуть-чуть чего-то не хватало.

Будем искать, решила Оксана. И честно искала весь день, и Тимофей никуда не делся – пытался соответствовать и содействовать, спасибо забытому «Нетфликсу» и уснувшему телефону. И посодействовал-таки, до адского салюта за переносицей, трясучки и онемения.

Коли на улице некузяво, долг каждого ответственного человека – создавать весну в своей отдельно взятой квартире. А весна чреслами красна. Фу я дура, ляпну же. Спасибо хоть не вслух.

Тимофей сбежал в туалет – дотерпел, молодец, – а Оксана раскинулась на простыне как могла пресыщенно, сперва так, потом эдак. Пресыщенность не давалась. Почему-то вспомнился Митрофанов. Взгляд у него был, как у белька в ролике «Гринписа». Что-то у Митрофанова стряслось все-таки.

Ну и стряслось – нам-то что. У всех стрясывается, тем более у бестолковых мужиков средних лет. Предназначение у них такое: принимать на себя все, что стряслось, в том числе с другими, метаться, пить горькую, в лучшем случае пивасик под футбик, голосовать за кого скажут, ругать кого покажут, ненавидеть всех вокруг, шемить жен, орать на детей, указывать, что меня вот тоже били, и ничего, нормальным человеком вырос, и помирать от инфаркта в сорок пять, так и не поняв, что никакими нормальными они не выросли, что именно они пролюбили все полимеры и что единственный шанс выжить у нашего мира связан именно с тем, что их дети не будут похожими на таких вот отцов.

Марк не был похож на своего отца, что Оксану радовало. А у Митрофанова, интересно, есть ли дети и похожи ли они на отца?

Хотя ну его. Чего на ерунду отвлекаюсь, в самом деле. У меня выходной, и провести его надо до синяков на тазовых костях и состояния общей стертости и высушенности, чтобы потом полгода не отвлекаться.

Между прочим, мысль, подумала Оксана, воодушевляясь, и хищно уставилась на дверь ванной.

Вот тут Тимофей и обнаружил, что его любимый телефончик помалкивает не от малотемья и занятости менее близких контактов разных степеней, а оттого, что разрядился и сдох.

Наблюдать за тем, как Тимофей злобствует и суетится, было забавно, а его самого – даже немножко жалко. Впрочем, подзарядив телефон, Тимофей сразу успокоился. Оказывается, мир без его участия не взорвался. Тимофея лично ждал, не иначе.

Оксана постаралась, чтобы до понедельника не дождался.

Так мы тебя и спасаем, дорогой мир, подумала она снисходительно.

Мир не оценил.

Глава третья

– Мамуль, привет! С юбилеем вас!
– Ой, Сашенька, золотце, здравствуй! Помнишь, умничка, спасибо тебе. Как ты, не болеешь?

– Не, все нормально. Мамуль, а ты где? Я там вам подарок с курьером отправила, надо, чтобы встретили.

– Ой. А я хотела... А когда он придет?

– Да вот сейчас уже звонить будет. Я специально на вечер заказала, чтобы дома кто-то был. Вы же дома?

– Я это, в магазин... Я сейчас буду, такси беру. Ты чего как-то в нос говоришь? Простыла?

– Да не, просто холодно, это шарф.

– В Сарасовске еще холодно? Батюшки. Приезжай домой поскорей, тут уже все цветет почти.

– О да, цветет и пахнет, как это самое. Мамуль, ну ты когда будешь, что сказать-то? Он к подъезду подойдет.

– Все-все, пять минут, нет, семь. Такси беру и домчусь.

Она домчалась через десять минут и сразу накинулась на постороннего дедка, который имел неосторожность брести мимо дома с большой коробкой и букетом цветов. Саша настолько увлеклась экономией дыхания – сладкая вонь со свалки пронизывала шарф и скрученный капюшон, выедавая глаза, – что услышала самый финал представления: дедок вскрикивал: «Женщина, что вы хотите?», а мама громко поясняла: «Я Елена Игоревна, вот паспорт!»

Саша поспешно выскочила из-под козырька подъезда и резко остановилась, чтобы не столкнуться с мамой, которая уже оставила свою жертву и с топотом устремилась к дому, поводя головой и громко бормоча: «Может, у подъезда». За пару шагов до Саши она тормознула, раскинув руки, похлопала ресницами и взвизгнула:

– Саша!

Она принялась мять и обцеловывать дочь поверх шарфа и шапки. Саша почти с ужасом заметила, что маму бьет крупная дрожь, а из глаз просто льются слезы.

– Мам, ты что, ну хорошо все, ну не плачь, а то я тоже зареву, – бормотала Саша, хотя на самом деле уже ревела, а мама звучно чмокала ее и тискала, время от времени отстраняя, чтобы рассмотреть, неразборчиво промычать: «Красивая какая!.. Приехала, умничка!.. Не предупредила, балда, у нас же и угостить нечем!..» – и целовать дальше.

В себя мама пришла только дома, как только решила, что ребенок голоден, а кормить нечем, и суматошно убежала на кухню, – но и оттуда продолжала выкрикивать экспрессивные лозунги под грохот, стук ножа и шипение масла, а каждые полторы минуты и выскакивала чертиком, чтобы умильно рассмотреть дочь или обнять ее, чудом не цепляя ножом либо лопаткой для перемешивания. Саша хихикала и терпела, отвечая невпопад. Мама все равно поймет и запомнит как надо – она не папа, – а потом еще, как в школе, повторит пройденный урок, перечислив все, что услышала, в логическом и хронологическом порядке, а Саше останется кивать и поддакивать или резко протестовать, чтобы мама не утвердилась в длинной, сложной, логически безупречной и совершенно неправильной версии, вывязанной из слов собеседника, его умолчаний, реакций и собственных додумываний. Саша к этому давно привыкла, не так давно перестала беситься, а за последние месяцы даже соскучилась.

Ничего не изменилось. Дома было пронзительно чисто и очень жарко, зато пахло не улицей, а ванилью и мятой.

Мама усадила Сашу за стол, набуровила с горкой миску щей («Ешь-ешь, раз замерзла», «Да не замерзла я, просто нос прикрывала, чтобы свалку вашу не нюхать», «Маме соврала – все

теперь, ешь»), выложила на блюде стопку шипящих еще гренок, села напротив, навалившись грудью на сложенные руки, так, что стол привычно скрипнул, и очень ловко – как только она умеет, ей бы *summary* для научных сборников писать, – пересказала ее, Саши, жизнь в последние месяцы. Саша поперхнулась только на тезисе про личную жизнь, но не успела ни выпалить опровержение, ни просто прокашляться. Мама с улыбочкой продолжила без паузы:

– Никто никого не послал, с Гошей у вас все сложно, но учеба сложнее, а вот Максим забыт, я поняла. Ты девушка серьезная, поэтому с матстатом разобралась и все хвосты закрыла. Других почти и нет. Верю-верю, ешь давай. Так что стипендия будет, и вообще денег хватает, за квартиру с Ксюшкой платите вовремя, питаешься в столовой, в кафе с подружками ходите, и я тебе завтра на карточку чуть подкину, ешь-ешь, а что папа подкидывает, меня не касается, это ваши с папой дела.

– А папа-то когда придет? – спохватилась Саша, отдуваясь. С нее текло, хотя и кофту, и свитшот она сняла сразу.

Мама очень уверенно рассказала, что у папы очередной аврал, так что он всю неделю приходит в ночи. Саша этим вполне удовлетворилась, но черт ее дернул предложить позвонить: узнает, что дочь нагрянула, и сумеет прийти пораньше. Мама, кивнув, взяла телефон и на миг зависла, глядя в экран. Саша поняла, что дело не в одном аврале, и поспешила сменить тему. Не самым удачным способом. Бабу вспомнила.

Мама расплакалась, стала рассказывать, как все было неожиданно, как жаль, что Саша сама приехать не смогла, и как мама простить себе не может – не увидела и не поняла, что бабушка готовится помирать. Никому не сказала, ни мне, ни папе, и делать ничего не стала, даже пытаться.

Саша, держась из последних сил, сказала, что, может, и правильно баба сделала. Может, и правильно, согласилась мама, скривившись, но вот здесь – она постучала кулаком – жжет и болит. Вылечиться, говорят, шансов уже и не было, только мучилась бы. Но сказать другу другу столько не успели.

– И так же знаем, – пробормотала Саша.

– Когда знаем, когда нет, а сказать лишним не бывает, – ответила мама решительным тоном, не совпадавшим с ее заплаканным лицом. – Особенно когда долго рядом друг с другом... Ой, забыла. Сейчас.

Она вышла из кухни и почти сразу вернулась с красной коробочкой, которую сунула Саше.

– Вот, от бабушки.

Саша открыла коробочку и заревела.

– Мне лет пять было – я их нашла и надеть хотела, а уши не проколоты, ходила полдня, вот так у мочек держала. Баба сказала: проколешь – подарю. Помнишь, я тебя потом месяц доставала – пошли прокалывать?

– Ну, теперь, может, проколешь. Или как хочешь, сама смотри – можно в кулончик переделывать.

– В два, один запасной. Видишь – не забыла, а ты говоришь, слова. Такое вот, это же всех слов важнее.

– Слова, Саша, тоже важны, тем более – я не договорила, – когда столько лет рядом. Это когда молодой, признаешься в любви и прочем легко и просто, а когда пожил, и рядом с кем-то много лет, кажется, что глупо ему рассказывать: я же потому с тобой живу или общаюсь, что люблю-люблю и все такое, чего болтать. И слова истертые, и звучат не по правде. Но если по правде – говорить надо. Мы ж люди, Саш, мы от животных этим отличаемся.

– А-а. Я-то все понять не могла чем, а вот оно, оказывается, – отметила Саша, отсмаркиваясь.

Мама не смутилась и не возмутилась, конечно.

– Стало быть, не зря приехала – важную вещь поняла. А вот и папа.

Саша, подумав, выскочила в прихожую первой – мама не только пропустила ее, но и задержалась на кухне: еле слышно зашумел кран, и вода плескала.

Папа уже вошел и снимал ботинки. На Сашу он не обратил внимания. Даже головы не поднял. Саше это не понравилось. Неправильно это – не обращать внимания на того, кто тебя встречает, особенно если заходишь с вонючего холода в тепло, пропахшее щами и гренками так, что хоть ложкой цепляй и ешь.

Саша выразительно кашлянула. Папа не спеша поднял голову и застыл. Глаза у него дернулись и за миг поменялись так, что страшно – чуть ли не в форме и цвете. Саша хотела что-нибудь сказать, но папа шагнул к ней, сгреб в объятие, чуть сгорбившись, прижался виском к виску и замер не дыша. Саша покосилась на маму – та стояла поодаль, кивая и вытирая слезы, – и обняла папу в ответ. Плечи и спина у папы под пальто были как из гипса. Пахло от него немножко одеколоном и очень заметно – усталым несвежим мужиком, шедшим через свалку. Здесь, наверное, ото всех примерно так пахло.

– Пап, я вот приехала, – пробормотала Саша, сообразив, что он может простоять так всю ночь – или до обморока, потому что по-прежнему не дышит.

– Санька, балда, – сказал папа тихо.

– Пап, ты голодный, наверное. Пошли, там мама столько всего приготовила.

Папа кивнул, отстранился, снял пальто, аккуратно повесил его в шкаф и ушел в ванную.

Саша посмотрела на маму. Мама чуть развела руками и негромко сказала:

– Вот так пока. Пошли на кухню, там котлеты еще.

За ужином папа был почти обычный – жадно ел, слушал молча, но внимательно, иногда кивая, пару раз задал уточняющие вопросы, но на маму не смотрел – даже когда она помогла Саше выпутаться из слишком затейливой формулировки. Мама замолчала и отвернулась к окну. Саше стало неловко. Она бодро сказала:

– Я чего приехала-то. Поздравить на самом деле.

Она выскочила в прихожую, извлекла из рюкзака коробку, осторожно вытянула из нее бумажный кокон, оттуда – вазу и торжественно вернулась на кухню.

– Вот. Двадцать лет, фарфоровая свадьба. Я понимаю то, что вы не празднуете, но как человек, который, это самое, имеет большие основания радоваться и так далее, – дарю. С благодарностью.

Саша поставила вазу на стол и принялась объяснять про значение рыбок, про аллегии долгого счастья и про мастера. Папа потрогал блестящий бок вазы, кивнул и сказал:

– Лучше бы ты на Двадцать третье...

– Очень красиво, Саш, чудо просто, – поспешно заверила мама. – А я про мастера этого слышала, читала то есть. У него выставка в Сарасовске как раз была, там и купила, да?

Саша пожала плечами, глядя на папу. Папа поднял и поспешно опустил глаза, вздохнул и занялся аккуратным сбором оранжевого бульона с донышка в ложку.

– Ладно, я помчалась, в общем, – бодро сообщила Саша.

Родители выпрямились, болезненно стукнулись взглядами и уставились на Сашу. Она торопливо продолжила:

– Ксюха ждет, мы договорились, у нее с утра там, это самое, день факультета, и заодно Масленица, с таким опозданием вот, все сразу, девчонок припахали блины печь, Ксюха, дурочка, сама сказала то, что напечет, а на самом деле нет, потому что не умеет, поэтому ко мне: «можно, пожалуйста», ныла, ныла, ну пришлось, короче, так что я сейчас рвану, ей с утра уже надо, я велела все купить, сейчас примчусь, тесто заведем, потом вместе и пойдем на этот день факультета, там программа прямо грандиозная.

– Так у нас же тоже... – начала мама.

– Так не торжества же, а я уже поздравила, да?

– Да, спасибо, очень приятно, – согласилась мама тихо и умоляюще повысила голос: – Переночуй, куда на ночь-то. И электрички не ходят уже.

– Да тут ехать полчаса максимум, а утром и днем как раз дольше будет.

– А у нас и ехать не надо, – неожиданно вступил папа. – Чего спешить-то? Сейчас с мамой вместе напечете или мама сама, да, Лена?

Мама поспешно закивала. Папа продолжил:

– Ей это без проблем, она ж... Да, а с утра встанешь и рванешь к Ксюшке. Места у нас полно, твоя кровать застелена. А хочешь – можешь к бабушке... Бывшая Ленина твоя теперь, так, Лен?

Он требовательно посмотрел на маму. Мама на миг поджала губы, с усилием рассмеялась и сказала:

– Конечно. И ходу тут пять минут, папа отвезет. Пора в наследство вступать.

– Нет! – выпалила Саша, подумала, что надо бы помягче, но не придумала как, просто повторила чуть тише: – Нет.

И помотала головой.

Мама с папой опять переглянулись так, что стало больно. Мама нерешительно уточнила:

– То есть прямо сейчас уже едешь?

– Ага, такси же сразу подойдет, да? – Саша открыла приложение в телефоне, несколько раз ткнула пальцем по экрану и торжествующе констатировала: – Вот, через три минуты, ехать тридцать семь минут, триста сорок рублей, ерунда.

– Так, – решительно сказала мама, вставая. – Обожди вызывать, не три минуты, а чтобы пять-семь. Я котлеты соберу.

– Мамуль, ну какие котлеты, я же к Ксюхе, у нее завтра стол и вообще!

– Стол завтра, а ужинать сегодня, и завтракать тоже, завтра то есть, – отрезала мама. – Щей налить? У меня бидончик специальный есть.

От щей Саша отбилась, от остального не смогла – в том числе и от того, чтобы папа довел ее до такси. В лифте они молчали. Саша сперва пыталась понять, не сильно ли обиделась мама – вроде нет, и обнимала на прощание как обычно, а то ведь она и обнимать, и молчать умеет с особым значением, не забыли, – потом попыталась завязать узелок на оперативке: позвонить Ксюхе, едва сядет в такси, – а то нагрянет как снег, а у той опять кавалеры, раз соседка свалила, и сиди всю ночь на кухне, чтобы не слушать, как охают и хихикают. Любоваться, как в трусах на кухню за пивом выбегают, все равно придется. Хотя Ксюха, конечно, скорее сама на балконе ляжет, чем Сашу обидит. Или между собой и кавалером положит, легко. Девушка с высочайшей оценкой подружеского долга.

Саша усмехнулась и поспешно натянула на нос шарф. Они уже вышли из подъезда. Ветер с вечера переменился, дул теперь не с северо-запада, а почти с юга, так что свалочная вонь должна была ослабнуть – но после домашних ароматов и облегченная версия смрада проткнула Саше переносицу вместе с глазными яблоками.

Настроение упало. А папа добил.

В двух шагах от уже подъехавшего такси он придержал Сашу за руку. Саша решила, что это знак для прощального объятия, но папа отстранился и сказал:

– Саньк, бывшая Ленина правда теперь твоя, ты имей это в виду.

Саша закивала и торопливо пробормотала:

– Ага, спасибо, но я где, а она тут. Пусть стоит пока, ждет, что ли.

– Да и я вот про это, – сказал папа, странно косясь по сторонам. – Чего ей стоять. Можно же сдать, ты не против?

Саша пожала плечами, а папа продолжал:

– Ну или другие варианты... Если человек будет жить – ты не против?

Саша насторожилась.

– Пап, какой человек? Знакомый, в смысле? Если вам нужно, то ради бога, конечно...

– Может, знакомый. Может, и я сам. Можно?

Он наконец посмотрел на Сашу, и опять глаза его были другими.

Саша сморщила нос, чтобы не заплакать, и хотела спросить: «Пап, ты мне мамку новую нашел, что ли?», но спросила другое, очень медленно и ровно:

– Пап, ты хочешь, чтобы у меня была семья, дети, муж, и так всю жизнь?

Папа неуверенно улыбнулся, и лицо его снова застыло. Саша пояснила:

– Не сейчас, в смысле, а вообще – то, что с любимым человеком до старости вместе, внуки, там, и так далее?

– Санька, ты дура, что ли? – уточнил папа. – Что за вопросы?

– Ну вот. И я хочу, честно. Не пугайся, нету пока такого человека, вы первые узнаете, если будет. Но просто... Короче, Лизка мне говорила то, что если родители в разводе, то и дети обязательно разведутся. И она...

– Дура твоя Лизка.

– И она права, наверное. Анька – помнишь, классом старше училась – она в разводе уже, и Кирилл ваш, которого вы мне в пример всё, и... Короче, это правило такое: если родители курят, то ребенок у них может быть некурящим, но на самом деле нет, исключение подтверждает, а курить почти каждый будет.

– Так мы не курим...

– А если родители развелись, то и ребенок разведется. И знаешь, пап, в чем разница между мной и тобой, ну и мамой? У тебя родители не разводились. У мамы тем более, там сложно, я помню. Но если вы разведетесь, то это только ваша вина будет. А если я разведусь – то это вы виноваты. Ты уж прости, но только так получается.

– Саньк, так нечестно, – негромко сказал папа.

– А то, что так, – честно? – спросила Саша тоже негромко.

Папа помолчал, с тоской посмотрел на удивительно чистое, не совпадающее с запахом небо и на окна своего дома и сказал:

– Не могу я больше, Санька. Ты же видишь, какая она.

– Какая? – спросила Саша зло.

– Ладно, – сказал папа. – Понял я. Забыли.

Он поцеловал Сашу в скулу между шапкой и шарфом, махнул рукой, поворачиваясь, но вдруг замер и сказал себе в ноги:

– Душно мне, Саньк. Не могу больше.

Саша заплакала.

Папа продолжил:

– Санька, я постараюсь. Честно. В любом случае, как уж ты сказала: вы первые узнаете.

Он снова крепко, как в прихожей, обнял Сашу, сторбившись над нею, словно защищал от обманчиво чистого неба, и прижавшись виском к виску.

– Пап, я тебя люблю, – прошептала Саша, и он кивнул, оторвался от нее и пошел к подъезду.

– Папа, мама хорошая, она тебя любит, – сказала Саша вслед.

Папа, кажется, не услышал.

Глава четвертая

К субботе Оксана поняла, что Тимофей ей надоел.

Новое знание слегка напугало. Такого раньше не было – ни с Тимофеем, ни с Рустиком, ни с кем-то еще. Привычной была другая схема, в рамках которой надоедали или сразу были неприятны малознакомые люди, претендовавшие на часть жизни или времени Оксаны – ну и на что они там обычно претендуют. С ними справляться Оксана умела. С Рустиком, который мешал и в какой-то момент стал просто поперек, тоже – разбежаться проще и удобнее, чем чувствовать себя участницей собачьей свадьбы: лохматой такой участницей, склепленной, нелепой, на которую глазают все вокруг. На самом деле никто не глазел, конечно, но Оксане и себя хватало, собственного трезвого взгляда, который однажды прорезался и заставил не возгордиться в очередной раз без особой причины, а устыдиться и ужаснуться.

С Тимофеем такого не было. Было спокойно, почти до прохладности, но уютно и по-разному: хочешь, дочки-матери включай, хочешь – супружескую пенсию, хочешь – курортный роман или порнопробы. До последнего дошло только сейчас, ни с того ни с сего – и как-то оказалось, что это если не высшая, то финальная точка отношений. Дальше и незачем вместе. По крайней мере, Оксана смысла не видела. От этого было неуютно, какой-то киношный замес – высосала парнишку и выбросила. А он и не знает, даже не чувствует. Деловито спрашивает в мессенджере, что купить, и строит планы на выходные. А Оксана не хочет быть частью этих планов, не хочет быть частью жизни Тимофея, и видеть его не хочет. Она хочет с собой разобраться. А времени на это нет. Его ни на что нет, категорически.

Балясников всегда был любителем авралов, а тут устроил просто показательные выступления с истерической демонстрацией активности. Первое совещание было нервным, но без фанатизма: проблема твердых бытовых отходов обостряется, полигон ТБО, оставшийся после выхода «Чистой стороны» из проекта без перерабатывающего цикла, представляет собой растущую как на дрожжах свалку, область нами недовольна, а областью недоволен федеральный округ. Мне об этом прямо сказали, сообщил Балясников, хмуря светлые бровки, и добавили, что если области из-за нас будет плохо, то нам – просто край и ад, в вони утонем.

Оксана так и не поняла, специально Балясников провоцировал, или Фрейд его за язык дернул, – но получилось хуже, чем нарочно. «А сейчас как будто не тонем», – раздалось со всех сторон. Вот глава и вспылел. Заставил готовить к сессии два варианта постановления о мусоропереработке, причем второй – в комплексе с введением местного добровольного, а на самом деле обязательного, конечно, сбора со всех юрлиц и домохозяйств на утилизацию мусора. Тишина в зале стала звенящей, Оксана, поерзав, начала подниматься для развернутого возражения, потому что экспертизу проекты предстояло ей, а значит, и огребать неприятности, совершенно неизбежные с учетом прошлогоднего рекордного подъема платы домохозяйств за вывоз мусора, который и стал настоящей причиной массовых протестов – а вовсе не мусорожигающий завод «Чистой стороны». Но Балясников рявкнул: «Сядьте, Оксана Викторовна, и записывайте», – и она села, поморгала и стала записывать почти так же сосредоточенно, как все вокруг.

Пахали не только Желтый дом и муниципальные предприятия, но и формально независимые от городской власти компании, на самом деле учрежденные Желтым домом или для Желтого дома. Серверы висли от перегоняемых потоков писем и правок, картриджи в обоих принтерах пришлось менять дважды, коробки с бумагой формата А4 выстраивались в столб возле двери офиса каждое утро – и к вечеру столб таял, аки жена Лота под текиловым дождем. От тихого воя выгоняемых листов чесались уши, глаза слезились от бесконечных, в шесть разноцветных слоев, правок, которые приходилось снимать пласт за пластом, чтобы тут же накидать новые и отправить дальше, телефон звонил каждые пятнадцать минут, все цапались со

всеми, в желудке горели пицца с роллами, кофейная отрыжка разъедала носоглотку, от мужиков перло псиной, от баб – перекисшим потом, живанши-шанельный фон и запах химического озона из принтеров на синтетической подложке кондиционированного по кругу воздуха делал атмосферу в кабинете юпитерианской или какой там еще, но точно не совместимой с жизнью, и не было от этого спасенья, потому что стало тепло, и вонь от свалки накрыла центральные районы Чупова старательней, чем тьма один вечный город, – и уж точно на более долгий срок.

Второе совещание напоминало последнее заседание в ставке Гитлера под красноармейскими залпами и закончиться могло... Стрельбы Оксана все-таки не ждала, но массовым самовыпилам не удивилась бы. Разве что нетрадиционности подхода: все-таки у начальства не принято ни спрашивать с себя, ни убиваться – в каком бы то ни было смысле. Но все выжили – будем благодарны за это. И на совещании, и в течение рабочей недели.

Оксана не раз и не два ловила себя на безнадежном обдумывании уже не формулировки для заявления об уходе – это был давно пройденный этап, – а точного часа, в который надо заказать такси, выскочить наружу, не надевая пальто, домчаться до дому, велеть водителю обождать минут десять – и в эти десять минут загрузить в чемоданчик документы, бабушкины цепочки (которые Оксана никогда не носила и носить не будет, но они же бабушкины), схватить под мышку Марка, заехать попрощаться к маме, успеть на вокзал к проходящему вечернему скорому и уехать в московском направлении до первого симпатичного полустанка, где никто ее не знает, не достает, не звонит каждые полторы минуты, не требует немедленного спасения, где нет симпатизирующих несимпатичных дураков-начальников и дур-подчиненных и где – не – воняет.

Остались же в стране такие места.

Должны остаться.

А и не остались – что ж. Мир велик, паспорт есть, язык есть, два с половиной, молодая, сильная, умелая – не пропаду. Любой вариант лучше, чем жизнь на мусорной куче, будь ты даже царица этой вонючей горы. А царицей быть Оксане явно не суждено. Так чего же сидишь?

Привыкла.

Положено.

Не доделала немножко, вот сейчас эти два законопроекта сдам – и тогда.

И тогда новая куча упадет.

Такие мысли накрывали Оксану и раньше, но впервые она поняла, что ее и впрямь никто не держит. Ни работа, ни карьера, ни Тимофей, ни любовно отремонтированная и обставленная двушка. Нет в них ничего уникального, нет ничего, что нельзя найти, заработать, получить, построить, слепить из палочек-дырочек в любом другом человеческом месте. Да и Марка пора спасать уже.

От этого понимания ей сперва стало страшно, а потом сладко, как даже в эти выходные не было. Я свободный человек, дошло до Оксаны. По сравнению с тем, какой была еще год назад, когда беззвучно рубилась за место с более опытной замшей. По сравнению со всеми вокруг, на ком висели супруги, дети, ипотеки, карьерные соображения и близкие пенсии. И что самое главное – безо всякого сравнения и безотносительно чего бы то ни было. Оксана Юрченко свободна, ничем не связана и не обременена – потому что Марк – счастье, а не бремя, – дееспособна и мобильна. Можно встать и выйти прямо сейчас, а такси заказать уже во дворе.

Оксана почти уже встала, но Митрофанов сказал:

– Оксана Викторовна, я придумал.

Ну чего ты там еще придумал, милоч, подумала она утомленно. Что может придумать скучная серая перхоть без особых примет, достоинств и амбиций?

Он смог – и придумать, и сделать то, что все изменило. Нет, не так. Не бывает, чтобы изменялось все, и не бывает единой и единственной причины. Одна – она как столб, в который врезаешься и либо застываешь на месте, часто неживым, либо улетаешь в ненужную сторону.

А если по-хорошему, то обычно много их, поворотных точек, на каждой из которых устремленная вперед линия чуть меняет вектор и превращается из прямой в кривую. А кривая выведет, бабушка так учила. Бабушка знала.

Вот этот разговор в кабинете был второй точкой – и самой неожиданной. Потому что неожиданным был Митрофанов – несвежий, как и все, перекошенный и неровно выбритый. Особенно раздражали пятнышки серой щетины в складках рта, которые стали видны, когда Митрофанов, на миг задумавшись после уточняющего Оксаниного вопросика, сложил губы трубочкой. Это усилило раздражение Оксаны так, что она почти уже выпалила: «А если не знаете, Даниил Юрьевич, так возвращайтесь к работе и больше за пределы поручения не выходите, сроки горят».

Не успела: Митрофанов, скривив рот обычным образом, так что небритые пятнышки спрятались, сказал:

– Да нет, это компетенция муниципальных властей. Подтверждаем, что земля имеет сельскохозяйственное назначение, и тогда любая свалка там запрещена. Ни районных, ни областных решений по переводу статуса земель не было, я проверял. Там же совхоз был, земля его или правопреемника, класс земель наверняка вспашной, ограничения я перечислил. В базе за тот период документов нет, но в архиве найдем. И вопрос решен. Собираем сессию, без всяких дополнительных согласований по вновь вскрывшимся обстоятельствам объявляем свалку незаконной, прекращаем прием мусора и вешаем всё на операторов. Пусть ликвидируют, что натворили, за свой счет, ну или регрессируют с «Чистой стороны», да хоть лично с Гусака. Кто заварил, тот и отвечает. Все суды поддержат.

– Областной особенно, – сказала Оксана с иронией.

– В областном иск сломают – так окружной удовлетворит. Да и не дойдет до этого – область раньше договариваться начнет.

– Ох, – сказала Оксана, еще раз перелистывая бумаги. – Все бы так легко было. Ладно, оставьте, я еще раз посмотрю. Все равно надо проверять – мы же не знаем, что там депутаты в девяностые принимали.

– Знаем, – сказал Митрофанов неожиданно. – Ни в девяностые, ни в нулевые по району не было никакого решения. До середины нулевых – совхоз «Новая жизнь». Давно не работал, но все равно числился. Потом комплексную застройку хотели, с таким же названием. Оформить не успели. Когда с микрорайоном не получилось, явочным порядком начали как свалку использовать, с ноль восьмого или ноль девятого, если правильно помню. Такая вот получилась «Новая жизнь», сама собой, от совхоза к свалке. Если что и сделали, то задним числом, а это опрокинуть как два пальца. А в нулевые – нет. Я уж знаю, все-таки главой земельного комитета был.

– Кто был? – глуповато спросила Оксана.

– Я.

Оксана смотрела на подчиненного, мигая. Он не издевался и, похоже, не шутил.

– Какого комитета, мэрии?

– Нет, гордумы. Я же депутат был, освобожденный, чуть даже председателем не стал, но...

Он, не договорив, пожал плечом, помолчал и сказал:

– В общем, если надо дописать или дополнить, скажите, это легко.

Он ушел за свой стол, повозился и аккуратно стал раскладывать перед собой схваченные скрепками бумаги из лотка. Оксану почему-то это очаровало, почти как бег воды или ленивый огонек, подбирающийся все ближе. С большим трудом она оторвалась от бездумного наблюдения, отложила выкладки Митрофанова и снова нырнула в разноцветную паутину правок.

Предложение Митрофанова Оксана решила в ход пока не пускать, так что ничего нового в тот день не произошло. Зато именно в этот вечер они завершили сведение и чистку докумен-

тов, передав их в протокольный отдел администрации. И беспримесно чистым совпадением следует считать, что именно в этот день Оксана поняла: надоел Тимофей, категорически и, кажется, окончательно.

Оксана и Тимофей не виделись с того самого воскресенья. Он регулярно писал, строил планы, в том числе внезапно связанные с совместными проводами истекающего дня. Вдохновился мальчик, на сплошную лихорадку буден замахнулся. Оксана односложно эти планы заворачивала, ссылаясь на занятость. Тимофей не обижался, поскольку не имел такой привычки, да и ситуация была совершенно стандартной и рабочей. Всё у них последний год было так: Тимофей придумывал и предлагал, Оксана заворачивала, соглашаясь после семи раз на восьмой. Просто на сей раз она не видела для этого восьмого никаких ниш и перспектив. И сама себе признаться не умела. Наоборот, думала, что вот спихнет с себя гору, связанную с поручением Балясникова, в субботу проводит на пенсию Золотницкую – и выйдет на выходные с чистой совестью и развязанными руками. Захочет – Тимофею позвонит, по ходу решив, для чего звонит-то: послать или приласкать. Захочет – с Марком весь вечер будет гонять заводные машинки по лего-пандусам. Захочет – устроит себе счастливый уик-энд старой девы, с книжкой и глинтвейном. А может, все-таки сделает то, чего захотела особенно остро: вызовет такси и побросает в чемодан самое важное.

Отвальную Золотницкая устроила в кафе с идиотским курортным названием «Наташа». Может, поэтому и градус куража сразу выставился на курортно-оллынклюзивный, то есть почти предельный уровень. Сперва, понятно, все чинно-благородно, поздравления, пожелания и адрес от главы, лишь несколько истеричная от усталости веселость обостряла реакцию на стандартные шутки про расширение рамок бальзаковского возраста, баб-ягодок и прочего «мы не доживем, так что вы за нас оторвитесь». Все за всех в отрыв и пошли – и Оксана тоже.

В девять вечера она обнаружила себя в кругу строжайших обычно дамочек, с воплями размахивающих посреди танцзала кто салфетками, кто кофточками в такт подзуживающим гоп-гопам Верки Сердючки, причем Савельева растелешилась до лифчика, неожиданно пристойного, в отличие от остального облика Савельевой. Оксана так обалдела, что едва не врубила начальницу, но обнаружила, что сама скачет по полу в колготках, стылым от ужаса взглядом просканировала остальные детали своего туалета, поспешно застегнула пару пуговиц на блузке, искренне надеясь на то, что сдавались они без приложения человеческой силы, и аккуратно задвинулась в тень.

Отряд не заметил потери: из динамиков, надсадно погибая на высоких частотах, пополз реликтовый медляк, и дамочки с боевыми кличами побежали ловить кавалеров, а самые утомленные, и Савельева, к счастью, с ними, слились в объятьях с соседками и принялись, гогоча и постанывая, раскачиваться в ритме дискотеки младшеклассников.

Оксана поискала глазами туфли, но нашла только пару заметных дыр в колготинах. Убедившись, что всем не до нее, Оксана вздохнула, подтянула юбку, легонько, устойчивости ради, облокотилась о высокую спинку стоявшего рядом стула и умудрилась аккуратно, в три плавных рывка, стянуть колготки без ущерба для юбки и белья, даже не выронив телефон. Чуть не потеряла равновесие лишь в финале – палец, естественно, не желал вылезать из дыры, – дернулась и вцепилась в спинку, предчувствуя, что стул со скрежетом отъедет по каменному полу, привлекая всеобщее внимание трудового коллектива к неизбежному крушению любимой начальницы.

Стул не поехал. Стоял как вбитый. Будто на нем сидел кто.

Не будто.

Оксана вздрогнула, отпрыгнула на метр и обернулась, поспешно пряча нейлоновый комок за спину.

Митрофанов не отреагировал: так и сидел, сторбившись, спиной к Оксане и ко всем, локти на коленях, в правой руке пивная бутылка, каких не было на столе, где взял только, в левой – пустая тарелка.

«Отвернуться успел или действительно ничего не заметил?» – подумала Оксана, переступила по не особо холодному, но и не особо чистому полу, разозлилась на себя и вместо того, чтобы тихонечко смыться к туфлям и покою, шагнула вперед, к соседнему стулу, который, оказывается, стоял неподалеку и был по-настоящему пуст.

– Что не веселимся со всеми, Даниил Юрьевич? – прокричала она, присаживаясь на ловко подложенные колготки и убирая босые пятки под сиденье.

Митрофанов посмотрел на нее, не меняя наклона корпуса, отсалютовал бутылкой и сказал:

– Я веселюсь. Я так веселюсь, правда.

Негромко сказал, но слышно. Оказывается, можно было не кричать. Нашел человек акустический пузырь и наслаждается чем может, молодец.

Митрофанов снова пялился в далекие цветные переливы. Оксана, моргнув, поняла, что это отражение цветомузыки на затененной дальней стене, и усмехнулась. Настоящий буддист найдет повод для медитации даже в сердце карнавала. А начальница буддиста поддержит его страсть к смирению.

– Даниил Юрьевич, вы уж извините, но я пока не дала вашему предложению хода. Вы не думайте, я рубить его не собираюсь, идея хорошая. И присвоить, не дай бог, тоже не собираюсь.

Она усмехнулась, ожидая бурных возражений и заверений, что нет-нет, я бы никогда. Но Митрофанов лишь слегка кивнул, не поворачиваясь. Оксане это не понравилось, но раз начала, надо договорить:

– Просто тема тонкая, а Балясников, сами видите, на психе. Рубанет наотмашь – и нет перспективной идеи. Так что пусть полежит чуть-чуть, время выберем – двинем. Договорились?

Митрофанов пожал плечом. Да и черт с тобой, гордец, подумала Оксана и собралась уже встать, оставив ценного подчиненного наедине с картинной печалью, и веселиться дальше. Но Митрофанов неожиданно заговорил – не меняя позы и не отрывая глаз от мутного цветного копошения вдаль:

– Вот это самое обидное, между прочим. Что для перспективных идей надо выбирать время. И для правильных действий. И для хороших людей. А для всякой дури любое время годится. Сама прорастает, цветет и пахнет.

– Особенно пахнет, это точно. Но это же всегда так – кроме запаха то есть. Дурак вечно напролом лезет, а героям приходится в обход, песенка даже есть.

– Ну, не вечно. То есть согласен, в любой замкнутой системе так получается, что сорняк растет всегда, везде и много, а культурные растения, и вообще что-то со смыслом, знай чахнут, требуют, чтобы поливали, лелеяли и так далее. Но в мое время, – Митрофанов невесело усмехнулся и пояснил: – Как это принято сейчас говорить, в лихие девяностые и тучные нулевые... Было окошко возможностей для всех.

– И кто в это окошко пролез?

– О да, – согласился Митрофанов. – Кто только не. На самом деле всё ведь этим и объясняется: сорняк занимает все возможное пространство и забирает ресурсы под себя и собственное воспроизводство. Смыслу места не остается. Культурным злакам места не остается. Социальные лифты не работают, потому что загружены отпрысками тех, кто уже наверху. Это как раз не оригинально. В моем детстве примерно так же было, колхоз «Минуя капитализм» всегда сползает в средневековье. И вот в рамках ленной системы и нового феодализма единственный способ выдвинуться – либо стать вассалом, либо бросить вызов лорду и не сбросить

его, конечно, – это запрещено, – но потеснить на верхнем этаже. Успеть закрепиться, пока не задушили или пока сам не сдох.

– От запаха, например, – вставила в паузу Оксана, в основном чтобы перебить ощущение дурного сна. Митрофанов работал под ее началом почти два года, был типовым серым клерком: ни фантазии, ни человеческих реакций, ни, подозревала Оксана, умения поддерживать беседы на отвлеченные или просто неодноклеточные темы – и вот вам здравствуйте. Неделю назад в магазине Митрофанов оказался носителем заметного темперамента и даже страстей, позавчера – умным профи с неожиданным бэкграундом и внезапными скиллами, теперь вот – речистым смутьяном. Дальше что? Труссы поверх трико и умение перемножать восьмизначные числа на санскрите?

– Запах – это отдельная примета времени, конечно, – продолжил Митрофанов, к счастью, не на санскрите, но и не на том языке, носителем которого его считала Оксана. – В моем детстве этого не было, но остальное было. И протесты были, да и теперь – не было бы у нас ТБО, другая бы тема возникла, правильно? Выборы, выбросы, гастарбайтеры, мухлеж в вузах или школах, что угодно. Раз госкапитализм и автократия толстеют, остальные должны худеть, а где тонко, там и рвется, ассортимент на выбор. И все понимают, что протестовать бесполезно, что это навсегда. И в моем детстве понимали.

Митрофанов ухмыльнулся и глотнул из бутылки.

– И... что? – уточнила Оксана.

– И все. Если народ безмолвствует и нет ни обратной связи, ни механизмов разрешения противоречий, нормальных и работающих, ни смазки для них, кроме коррупции, то рано или поздно власть зарвется, а народ взорвется. И вот тогда по-настоящему вони не оберешься.

– А сейчас прям... Но если честно, Даниил Юрьевич, вы меня поражаете. Революционер просто.

– Старый просто.

– Ой-й.

– Оксаночка, вам, простите, сколько? Тридцать три? Вот как совпало. Не слышали про роковые числа – двадцать семь, тридцать три, тридцать семь, сорок два? Мне сорок три. Вот. Это по нынешним временам типа пустяк, полсрока до пенсии, а если по-нормальному – ужас же. Высоцкий уже умер, Пушкин – тем более, Лермонтов сгнил, даже старик Чехов готовился помирать.

– Даниил Юрьевич, вам не идет кокетничать.

– Никому не идет. Как там положено: вырастить сына, посадить дерево, построить дом? С сыном у меня как бы не получилось, зато дочь такая, что ни на какого сына не променяю. Дома два, считай, построил – один остался, ну и бывшая Ленина.

Оксана не поняла, но решила не переспрашивать – какая разница-то. Митрофанов продолжал, все так же глядя в отсвет цветомузыки на дальней стене:

– Деревьев тоже пересажал, спасибо маме, хоть, это самое, волков разводи. Получается, все, что положено, сделал. И жизнь прошла.

Он коротким глотком опорожнил бутылку и точно перескочил несколько страниц:

– Мама умерла, дочь взрослая, я ей ни на фиг не нужен, жена... Жене, думаю, я до смерти надоел, и она... В смысле, и сам я на работе ничего нужного, чтобы всерьез прям, не сделаю, так? Время не то, глава не в духе и так дальше. Осталось тихо тлеть да внуков ждать. Я и внуки, приколы.

– Так не ждите, – предложила Оксана, наливаясь почему-то гневом. Разговор этот ей и надоел уже, и цепанул слишком сильно – до раны, которую она не собиралась светить перед малознакомым человеком, тем более подчиненным. Дополнительно раздражал зажатый в руке телефон, который беззвучно трясся и мигал на разные лады. Она положила телефон на колено

экраном вниз и договорила: – Вперед, с песней. Забирайтесь на верхний этаж, не побеждайте, но тесните. Становитесь феодалом и хозяином положения.

– А смысл?

– Чтоб дочь зауважала и могла расти. Чтобы жена сказала: «Вах». Чтобы мир лучше стал. Чтобы, ну елки-палки, это же вы мужик, а не я, ставьте цель – и айда пошел, как один мой знакомый говорил. Раз жизнь прожита, терять уже нечего – про самураев знаете, да? Украсть – так миллион и королеву, так же у вас говорится?

Митрофанов фыркнул, Оксана, не сдержавшись, ухмыльнулась тоже и манерно сказала:

– Мужчина, угостите даму сигареткой.

– Да я не курю давно, – ответил Митрофанов, впервые обозначив тут же подавленное движение.

– Да я тоже, – призналась Оксана. – Тогда попить принесите, что ли.

Она была уверена, что Митрофанов примется, как положено его психотипу, нудно уточнять, что именно принести, и как-нибудь да продемонстрирует смесь подбострастия или хотя бы чинопочитания с презрением быдломана к усосавшейся и капризничающей бабе-командирше. И это развеет кисею странного чувства, паутинкой повисшего в темноте между двумя стульями с высокими спинками.

Митрофанов кивнул, встал и ушел. Золотницкая в такт оглушающему умц-умц проорала, что будет каждый день прибегать к своим любимым-прелюбимым девчонкам.

Оксана посидела немного, соображая, что чувствует и почему, а потом все-таки посмотрела в телефон. Искал ее только Тимофей, зато в четырех мессенджерах сразу.

Оксана не стала открывать ни одно из сообщений, погасила экран и снова попробовала додуматься сама не зная до чего. Не успела – Митрофанов вернулся.

Он протянул стакан воды, холодной и без газа. Оксана припала. Оказывается, она страшно хотела пить, так что вытянула полстакана в один глоток, а вторым и третьим остудила горящее нёбо. А Митрофанов вдруг наклонился к ее ногам.

Оксана не отшатнулась лишь потому, что не успела заметить его движение – а когда заметила, страшно испугалась, как девочка просто. Бог знает какая дичь представилась, чуть коленки к подбородку не вскинула. Митрофанов уже выпрямился, шагнул к своему стулу и сел, глядя все на тот же ответ. Оксана, кипя извилинами и нервами, собралась вывернуться на него – заминка была только за тем, чтобы убедиться, что владеет голосом, испуг показывать нельзя, это закон выживания. А пока убеждалась, посмотрела все-таки под ноги. Там стояли ее туфли.

Так, подумала Оксана почти в панике. Так.

– С-спасибо, Даниил Юрьевич, – сказала она, влезая ногами в туфли и судорожно сообщая, что тут еще можно сказать.

Телефон спас.

Тимофей, родненький, как же ты вовремя, подумала Оксана хищно. Сам под нож лег, ягненок.

– Ксан, ну где ты лазишь, а? Время одиннадцать, я на измене, в телеграме пишу, в мессенджере, в ватсапе, а тебе параллельно, не просматриваешь даже. Тебя ждать сегодня вообще?

– Как хочешь, – сказала Оксана.

– Ну чего начинаешь? Нормально скажи.

– Чего на... – Оксана осеклась, улыбнулась и сказала: – Говорю нормально: сегодня не жди. И вообще не жди, если тебе трудно так.

– Мне не трудно, просто конкретно паришь мне...

– Так. На этом все.

– Что все-то? Раз в жизни нормально...

– Тимофей, все. У нас с тобой все кончилось. Сегодня до полуночи забирай вещи, какие там оставлял, и вали куда хочешь. В полночь вернусь, все выброшу в помойку просто. Ты меня понял?

– Оксан, ты что? Ну сорян, я же...

– Ты меня понял?

– Ни фиги не понял. Что началось-то? Пээмэс, дуркуешь или, как это, у тебя кто-то другой?..

– Тебя не касается. Мы с тобой расстались. Спасибо за все, больше не пиши и не звони. Целую.

Она нажала отбой и глубоко вдохнула, опустив голову, но краем глаза увидела, что Митрофанов все-таки повернулся к ней ненадолго и снова уперся глазами в дальнюю стенку. И негромко спросил довольно неласковым тоном:

– Вот так это делается, да?

– В том числе, – отрезала Оксана.

Встала и пошла прочь, твердо и красиво, как положено сильной, уверенной в себе женщине и непосредственной начальнице знающего свое место подчиненного.

Не покидающий своего места подчиненный, все так же глядя в дальнюю стенку, сказал:

– Колготки забыли, Оксана Викторовна.

Оксана застыла на секунду, не спеша вернулась к стулу, взяла сплюснутый ком колгот, встряхнула их и натянула, стараясь не слишком извиваться. Совсем уж задира́ть юбку она не стала, хотя могла – Митрофанов так и пялился вдаль, а остальным было не до них: народ колбасился под «Дискотеку Аварию».

Оксана отряхнула юбку и вежливо сказала:

– Большое спасибо, Даниил Юрьевич. Должна буду.

Глава пятая

Рука чесалась второй день. Надо было все-таки ставить пластиковую лонгетку, через которую можно просунуть не руку, так ручку, и поскрести, где дотянешься. Гипс не поскребешь. Это раздражало. Так называемые друзья тоже раздражали: железно договорились встретиться в десять в «Восьмиугольнике», за пару часов до начала мейн кард¹ в трансляции *Fight Night*² из Лондона, чтобы взять по пиву и приготовиться. Козырный столик заказали, заранее договорились, за две недели, чтобы ничего не помешало – Иван вон даже со сломанной рукой был готов. А толку. Звонок Артема застал его на пороге: не может Артем, жене с тещей понадобился для каких-то семейных ритуалов. Ладно, с пониманием, переходим в холостяцкий режим, раздраженно сказал Иван, и тут свалилось сообщение Тимофея. Работа у него, оказывается, до одиннадцати ни дыхнуть ни пернуть, насчет попозже видно будет.

Да чего уж видно, пробурчал Иван и написал: давай сразу ко мне.

Тимофей явился аки демон, после полуночи и черный от усталости, зато с упаковкой пшеничного пива поверх огромной сумки с кучей странно подобранных продуктов. Это Ивана немножко смягчило, как и отсутствие других покупок. Иван до последнего подозревал, что от выполнения обещания Тимофея на самом деле отвлекла поездка в Сарасовск, где как раз сегодня стартовали распродажи зимних коллекций *New Balance* и *Vans*.

На всякий случай Иван все-таки спросил:

– В Сарасовск не ездил, что ли?

– Да какой там... – Тимофей, разуваясь, качнулся и чуть не потерял равновесие. – Мейн эвент не начался еще?³

– Скоро. Ты вдутый?

– Если бы. Уставший я, как этот. Ты ничего не заказывал?

– Пиццу собирался, тебя ждал.

– Какое пиццу, у меня тут жропть на неделю, гастрономическая пати планировалась – не срослось. Будем исправлять.

– Да легко. Только сам режь и все такое, я, вишь, кусаю в основном.

Иван качнул гипсом.

– И с личной жизнью поэтому все плохо, да? Или у тебя правая любимая?

– Да пошел ты, – сказал Иван, ухмыльнувшись.

Тимофей послушно поволок сумку на кухню. На кухне жили холодильник, стол и три табурета. Комната была обставлена с той же лапидарностью: кроме электроники – телепанели на полстены, приставок с колонками и пары ноутбуков – только раскладывающийся диван, кресло-мешок, гладильная доска с утюгом и несколько высоких пластиковых коробок с вещами и посудой. Пара костюмов на плечиках висела на вбитом под потолком, чтобы нечаянно не уронить, гвозде.

Иван, стоя на пороге комнаты, добавил звук, а то выход бойцов пропустит, понаблюдав, как друг кромсает колбасу, сыр и растения подозрительного вида, и спросил:

– Или ты про заказ не пиццу имел в виду? Баб закажем, как говорится?

Тимофей замер, потер бороду запястьем, извлек из упаковки пару бутылок и сказал:

– Не, нафиг.

– О. Порядочный стал.

¹ Мейн кард (от англ. *Main Card*) – главные бои турнира, обычно за чемпионский титул. Включают в себя и *Main Event* (см. примеч. к мейн эвент на след. стр.).

² *Fight Night* («ночь боя», досл., англ.) – стандартное название вечерних состязаний по боксу и иным единоборствам.

³ Мейн эвент (от англ. *Main Event*, «основное событие») – устоявшееся название главного боя турнира.

– Станешь тут, – сказал Тимофей так тоскливо, что Иван чуть не съездил ему по роже. Оксана ему нравилась, она была умница и секси, непонятно что нашедшая в тощем ботане, лучшим другом которого Ивану не повезло случиться. С другой стороны, ботан был джентльменом, никогда не говорившим о своих дамах и похождениях, – хотя отвлеченные скабрёзности выдувал не хуже прочих. А вот проверим, подумал Иван, с кивком принял открытое пиво, стукнулся горлышком о бутылку Тимофея и уточнил:

– Девственность потеряна? Пущай женится теперь.

– Нет уж, на работу – на работу, – сказал Тимофей с такой страдальческой миной, что завистливое желание ушатать его немедленно, с прыжка и вот прям гипсом, например, стало почти нестерпимым.

– Н-ну, рад за тебя, – сказал Иван поспешно. – А чего тогда в статусе не укажешь «в отношениях», как говорится?

Тимофей скис, обмяк и сказал:

– Потому что уже «все сложно».

– Да ладно. И когда случилось?

– Да вот щас, считай.

– А с чего?

– Кабы я понимал, с чего у них пригорает. У тебя временно упасть можно? Денек буквально, пока новой хаты не будет – хозяева, заразы, покупателя резко нашли, меня сразу на мороз, лан хоть бабос за полмесяца вернули.

– Хрень-то не неси. «Денек». Мой дом – твой дом, год живи.

– Спасибо. Завтра стафф подтащу.⁴

– Можешь холодильник еще. Если каждый день такие пати устраивать, моего не хватит. И статус поменяй на «в свободном поиске», раз так.

Тимофей вздохнул, но не взялся ни спорить, не объяснять. Ивану стало его жалко, но придумать ничего подбадривающего он не успел. Тимофей вдруг оживился:

– А у тебя в статусе что написано, я чот не помню?

– «Красавчег».

– Проверим. Так. Ты меня забанил, что ли?

– Не, зачем. Снесся просто.

– Ишь ты. И «ВКонтакте» тоже. Ишь ты, ишь ты. А чего так? Ты ж не чиновник вроде.

– А чего чиновник?

– Да их каждые полгода энфорсят дичайше на разные темы: то выпилиться отовсюду, то наоборот, то, значит, чтоб аккаунты только в православных сетях, то отвечать на все каменты сразу, то с пресс-службами каждый чих согласовывать. Теперь и до Сбербанка дошло?

– Тим, ты задолбал.

– Чем опять?

Иван вздохнул.

– Смотри. Мы с тобой знакомы сколько – три года где-то, да. Типа близкие брахе, как говорится. Тебе в мае будет двадцать восемь, ты окончил геофак в Саратове, но по специальности не работал: со старших курсов ушел в медиамаркетинг и все вот это. У тебя ИП, последний год мутишь что-то под заказ обладминистрации – ⁵SMM⁶, создание позитивного образа, боты и тролли, срачи во славу области. Мечтаешь стать звездой ютьюба, готовишь мэшапы, чтобы в каждом был внятный неожидан⁷ный сюжет с одним и тем же актером, а куски из разных

⁴ Стафф (от англ. *stuff*) – здесь: барахло, вещи.

⁵ Брахе – братан (буквальное прочтение *brah*, одного из вариантов сленгового английского *bro*).

⁶ SMM (*Social Media Marketing*) – продвижение товаров, услуг и брендов в социальных сетях.

⁷ Мэш ап (от англ. *tash-up* – смешивать, толочь) – новое произведение, собранное из давно существующих и, как правило, очень непохожих. Классический пример: «Гордость и предубеждение и зомби».

фильмов, типа сперва Дрю Бэрримор – беззубая соплюшка из «*E.T.*», потом девочка постарше из «Воспламеняющей взглядом», потом милашка в этом самом...

– В «Певце на свадьбе». А я тебе про Бэрримор когда успел?

– Потом дерется в «Ангелах Чарли» и получает нож в кишки в «Крике» – и везде орет, приколы такой. Конец фильма. В русском варианте будет назваться «Овсянка, сэр», в английском «*Мэш инк*», что ли. Это для души, как говорится. Еще для души коллективный просмотр ⁸ММА⁹ с друзьями и – до сегодняшнего дня – отношения, как ты говоришь, с Оксаной из Желтого дома. А, она узнала, что ты на губера работаешь, из-за этого всё?

– Ну, во-первых, не из-за этого и не узнала. Во-вторых, не совсем на губера и не совсем работаю, да и сама она не прямо в Желтом...

– Лан, это детали, и вообще дело ваше. Сами разбирайтесь. Теперь расскажи, близкий брах, что-нибудь про меня.

Иван попытался скрестить руки на груди, поморщился и просто встал в позу памятника, поддерживая гипс здоровой рукой. Тимофей, стремительно краснея, смотрел на него. Иван приподнял бровь. Тимофей отхлебнул из пустой, кажется, бутылки и неуверенно начал:

– Тебе тридцатник настал зимой, окончил что-то экономическое где-то не здесь, пашешь на Сбер, разведен, детей нет, с Аленой расстался, сейчас типа свободен, к тому же руку сломал на корпоративном футболе. Аккаунты, видимо, тоже из корпоративного принципа сломал. Любишь смотреть с брахами ММА. Кстати, начинается.

Тимофей поспешно сунул Ивану новую бутылку, кивнул на экран и вперился в него с преувеличенным вниманием, аж горлышком в бороду попал. Экран смущенно замигал. Иван отхлебнул, показав молодежи класс обхода горлышком усов с бородой, и усмехнулся.

– Неплохая попытка. Там двадцать минут выходить под рэпчик будут, как говорится, не дергайся. Короче, молодец. Как наш препод по бухтехнологиям говорил, общее смутное представление имеешь. Только, во-первых, день рождения у меня в сентябре, окончил я МГУ – ага, где-то не здесь, так что это не во-вторых. Во-вторых, я скоро год как не в Сбербанке, а в Главинвесте. В-третьих, не разводился, потому что мы не расписывались. А про аккаунты – кто меня заставит? Сам все снес, надоело. Время жрет, смысла ноль.

Тимофей, проверив, осведомился:

– А мессенджеры что не снес?

– А это для работы.

– Во-от. Кто его заставит, ишь.

– И от вас, гадов, пичальки выхватывать. Ты же звонить вообще не умеешь, да?

– Будто кто-то вообще умеет, кроме дедков с работы.

– И Артема. Зар-раза.

Иван метнулся к ноутбуку, который вместо выхода бойцов в октагон опять транслировал на большой экран черный прямоугольник с надписью про временную потерю сигнала. Контрабандные трансляции отслеживались и гасились всё свирепее. Тем интереснее было вычерпывать остатки.

Оправившийся от смущения Тимофей минуты три ироническими комментариями под пиво и вычурную закуску сопровождал прыжки Ивана по сайтам и стриминговым платформам. Иван все свирепей материл фейковые ссылки, рекламные окна и загипсованную руку, которой дважды, забывшись, пытался охватить левую часть клавиатуры. Нашелся лишь вариант на португальском, зато с хорошей, пусть и замирающей время от времени картинкой.

– Снесся – вот и траблы, – пояснил Тимофей, вытирая руки салфеткой: пачку таких он всегда носил с собой. – В «Одноклассниках» лучше качество.

⁸ *Мэш инк* (от англ. *mash ink*) – дословно: мешать чернила.

⁹ ММА (*Mixed martial arts*) – смешанные боевые искусства, сочетающие ударную технику и борьбу.

– Мечтай. Давно зачистили всё и в «Одноклассниках», и «ВКонтакте». Сам, небось, и помогал чистить.

Тимофей самодовольно заржал и сказал назидательно:

– Ибо нефиг. За удовольствие надо платить. Копейки же – сколько там *Pay-per-view*¹⁰, полторы? Одолжить?

– Обойдутся. Интернет должен быть бесплатным, как говорится.

– Банкир *said*¹¹, – отметил Тимофей.

– Платный тролль *said*, – парировал Иван. – Если ты круглые сутки по сто сорок шесть копеек за камент рассовываешь, это не значит, что все вокруг продажные твари, ольгинские тролли и твои заказчики.

– Ну да, есть еще рукопожатные креаклы, которым запахло платить за товар.

– Поссоримся, – предупредил Иван.

Тимофей повел бородой.

– Ну давай не будем. Как рука?

– Чешется.

– К деньгам.

– Все-таки припер сто сорок шесть? Я, прости, выпилился же.

Тимофей вздохнул и, закатив глаза, рухнул в кресло-мешок – и тут же, со стуком и воем – чуть дальше, лопатками в пол. Иван запоздало дернулся и сказал расстроенно:

– Блин, куда с размаху-то, оно же говно давно. Башкой шарахнулся?

Тимофей, не вставая, попытался растереть спину, поерзал лопатками по полу, проползая поперек мешка, подобно мультипликационной гусенице, и сообщил:

– Стихи, ишь ты, «оно – говно». Возьму тебя эсэмэить, бабос поднимем, на любой *Pay-per-view* хватит. Ну и хоть один нормальный человек будет, а то какие-то тупаки дешманские, повбывал бы.

Он с несчастным видом уставился в экран, шевеля губами не в лад комментатору.

– Я думал, ты сегодня в Сарасовск за ньюбами свалил, тихо так, а тебя, похоже, весь день в позы ставили, – сочувственно сказал Иван.

– Не говори-кось. С утра таращат, причем резко. Знаешь, что особенно упарывает? Что на ходу не только задачу меняют, но и отношение. За час, прикинь. С утра я фриланс, мой работодатель тоже на договоре, потому что тендер выиграл. Соответственно, он должен мониторить, что про область пишут, и я ему это отчасти обеспечиваю – ну и за рамками договора чуть продвигаю и слегка подчищаю, что возможно. По дружбе чисто, понимаешь, да?

– Дружба на договоре – это немножко по-другому называется, – отметил Иван.

– Да ну тебя. Нормально работает, все довольны. А сегодня звонит... Наниматель, короче, с наездами такой, как на раба типа. Внезапно. Сроду не было такого. Я его слегка на место поставил, он извинился и такой оправдывается: типа самого фачат, прям в администрации губерра. Так, говорит, визжали, что пуканы на люстру.

– А он на место поставить зассал?

– Ну, он не я, у него обязательства и прочее.

– А что визжали-то?

– Да там момент такой...

Тимофей замолчал, кряхтя, сел и уставился на экран. Иван не стал ни возмущаться, ни понукать. Сам заговорит. И Тимофей заговорил сам, в самый, как умеет, неподходящий момент, когда утомленные собственными джебами бойцы наконец сшиблись всерьез.

¹⁰ *Pay-per-view* («плата за просмотр», *англ.*) – трансляция на платной основе. Характерна для топовых соревнований по боксу и *MMA*.

¹¹ *Said* – сказал (*англ.*).

– Да про нас речь как раз, про «Новжизнь», конечно. Там все херово, проект горит, «Чистой стороне», которая тендер выиграла, чего-то там не оформили, она и рада, завод по переработке не строит, тем более после митингов. А мусор-то сюда уже с того года со всей области тащат.

– А я типа не знаю, – сказал Иван, брезгливо сморщившись.

– Ну да. Но наниматель мой, по ходу, и не в курсе, что я тут живу и каждый день, как снег сошел, это все нюхаю. Вот и объясняет. В выходные у нас двух детей госпитализировали, в сеть пролезло – и дальше везде ад и Израиль, давайте повесим губернатора, к оружию, братья, и тэдэ.

– Да ладно.

– Утрирую чуть-чуть, но если не выровнять, то через неделю натурально так и будет, – заверил Тимофей.

– А ты типа великий эквалайзер, – догадался Иван.

– Не, они сперва, конечно, сами попробовали. Вот тут самый кругодроч и пошел.

– Почему?

– Потому что от губера позвонили в Желтый дом и велели решить проблему. И представь, как наш какой-нибудь замзавотдела по делам детей, молодежи и туризма проблемы решать умеет.

Иван показал, что просто боится представить.

– Там в лучшем случае школота пугается на полдня, а потом звереет, а массовый юзер дает Че Гевару. Воу-воу, на третий день все в хламину и в лоскуты, а движ становится в натуре массовым.

– И тут подтягивают тебя, – сказал Иван неприятным тоном.

Тимофей вздохнул.

– И ты решаешь.

Тимофей дернул бородой и заорал:

– Ну давай, давай, у него ж башка открыта!

Иван тоже отвлекся на экран, поэтому позабыл выступить насчет того, что рано снес аккаунты, но теперь исправится и устроит Тимофеевым технологиям, алгоритмам, ботам и троллям мастер-класс реального резистанса. Напрочь забыл: нокаут вышел красивеньким – Масвидаль послушался Тимофея и срубил Тилла адским хуком в челюсть. А потом без заминок стартовал повтор разогревочных боев, настолько не оправдывавших доверия, что Тимофей вырубился прямо в кресле-мешке, а Иван более-менее во сне сумел добрести до дивана.

Убрать нарезку в холодильник они забыли, так что большую ее часть пришлось утром выкинуть, а в квартире до вечера держался гнусно кисло-сладкий запах. Почти такой же, как на улице.

Глава шестая

От курсовой сперва отвлекали блинные дела, оказавшиеся не фантазией, а выматывающей реальностью, потом девки, затеявшие акцию «Весна, приди!», потом Гоша, вздумавший в последний, решительный раз выяснить отношения – ну выяснил, отношений не обнаружилось, и кому теперь легче? – потом фестиваль мексиканского кино и купленный по дури абонемент в фитнес-зал. А когда Саша почти все разгребла, размела и изничтожила, вступил в силу фактор Ксюхи.

Снимать с ней квартиру оказалось большой ошибкой. То есть квартира была хорошей, Ксюха была хорошей и получившаяся цена была хорошей, но сложение трех этих хорошествей время от времени давало вместо плюса или минуса корявую фигу в глаз.

Ксюха могла неделями быть соседкой мечты: закупать продукты, забивая оба холодильника, – молчим уж о стратегических запасах типа картошки, яблок и банок с вареньем, которыми родители Ксюхи под Новый год устали полбалкончика, – готовить на три дня вперед, убираться, – она даже окна порывалась в середине марта помыть, ладно снег пошел. А потом на такие же недели впадала в неопрятное уныние: не готовила, не мыла посуду, не выносила мусор – наоборот, производила в угрожающих масштабах, и все вокруг себя. «Как на родной свалке», – бурчала Саша, напоминая, что вообще-то из Чупова она, а не Ксюха. Учиться, да и просто находиться на квартире в эти недели было почти невозможно. Ксюха или негромко рыдала, или жаловалась на жизнь, или требовала, чтобы Саша немедленно – например, в разгар предзачетной лихорадочной подготовки, либо прямо из душа, либо просто в пять утра – пояснила любимой подруге, почему ту никто не любит. Объяснение Ксюху обычно не радовало, но прикончить ее скотскую привычку Саша так и не сумела.

Из уныния Ксюху выводили авантюрные идеи, как правило связанные с мгновенным обогащением. Саше удалось отговорить ее от игры на форексе и от стримов с раздеванием по закрытой подписке, зато курьером, развозящим мелкие пакеты по укромным местам города, Ксюха почти уже устроилась. Пришлось наорать, быстро найти и показать кейс с подробным пояснением, что именно перевозят такие курьеры и почему им светит не менее десяти лет без надежды на условку и УДО, а потом и пригрозить немедленным звонком Ксюхиным родителям. Обиделась Ксюха страшно, зато ненадолго. Как всегда.

Еще она исчезала, и от этого было не легче. И от того, как это происходило, внезапно и ровно когда Ксюхина помощь во как нужна – чтобы затащить на седьмой этаж негабаритное зеркало, в четыре руки приготовить свою часть пайки для универовского фестиваля или просто подставить жилетку, потому что Саша тоже не железная. И от того, что происходило в Ксюхино отсутствие, – от бесконечных звонков, от стуков в дверь, от каких-то стремных подружек невероятной внешности и возраста, от левых сопляков, разок даже от вполне себе дедка в сиреновом шлафроке, или как уже это называется, при шляпе, трости и перстне того же цвета, что ломился в дверь, взыскав Ксении Вольдемаровны – надо будет дядю Володю при случае анклом Вольдемаром назвать, а то и Волдемором (на самом деле не надо, конечно). И особенно от того, как и когда Ксюха возвращалась: неизбежно, масштабно и в самый неподходящий момент, который растягивался во времени и в неподходящести изумительно релятивистским способом.

Как теперь, например – через неделю после исчезновения, через три дня после последнего ответа – для протокола: «Сашк прости не сейчас», почти без смайлов – и ровно на третьем часу Сашиного погружения в курсовую по *Ruby on Rails*¹², сдать которую, по-хорошему, надо было позавчера, а последний срок – послезавтра. Ксюха обрушилась вся потрепанная и потер-

¹² *Ruby on Rails* – шаблон программной системы, написанный на языке *Ruby*.

тая до воздушности, внезапно ненакрашенная, зато в незнакомых духах, счастливая до голубых соплей и гиперактивная, как всегда на старте отношений.

Сашк, кричала она, он такой, такой, шептала она, и друзья такие же, добавляла она, немедленно, сейчас же знакомимся, пела она, пошли же, пошли, твердила она, вытанцовывая вокруг, и пыталась впрямь поднять Сашу то за плечи, то за локти и утащить к таким друзьям на такую базу, где такие шашлыки, веселье и счастье такими толстыми ломтями.

Саша сперва терпела, потом вызверилась – да так, что Ксюха поспешно отсела и сделала виноватую рожу, – а потом подумала: а какого черта, собственно? Курсовая почти готова – ну как почти, начать да кончить, и последнее слово ключевое, и надо хотя бы создавать для этого возможности, да и Гошку чем-нибудь затереть не мешало бы, а то так и буду жить прошлогоними охами и ненужными вздохами. Попробуем, решила она, – не кончанья ради, конечно, а просто чтобы, как Ксюха говорит, «можно, пожалуйста, пожить полной жизнью пару дней».

Саша добила строку – в основном чтобы выдержать характер – и пошла собираться. В том же выдержки-характер-стайл: внимательно выслушать Ксюхины вопли – вот-вот это возьми, тебе идет, – отложить, взять свитер потемнее и поглубже, выслушать возмущенные вопли, положить в рюкзак и так, пока Ксюха не заткнется (на самом деле нет: она не заткнется, пока не уснет).

Все правильно сделала в итоге: и то, что взяла с собой грубое-немаркое, и то, что поехала. Хорошо получилось.

Двинули большой компанией на двух машинах, старых, здоровенных, но довольно милых, на примерно такую же, старую, здоровенную и милую базу. Домики там были фанерными и неотапливаемыми, бани не было вовсе, так что ночевки не предполагалось. И вообще за пределами загорательного сезона нормальной девушке можно не опасаться выезда на такую природу в сколь-нибудь вменяемой компании: что-нибудь активнее флирта и обжиманий мог позволить себе разве что упоротый подросток или патентованный маньяк.

Ни тех ни других в компании вроде не было.

Были разной степени симпатичности, но самым симпатичным, приходится признать, оказался Ксюхин избранник Матвей. Даже слишком симпатичным: спортивный блондин за метр восемьдесят. Впасть в омерзительную красоту ему мешали излишняя худоба, неизбежная гадостная борода и дружок – юркий, квадратный, трепливый, да еще и Сашин тезка. Саше он не показался сразу, а его попытка сперва пошутить, потом помочь с подготовкой стола усугубила дело. Впрочем, надо отдать Алексу – так его звали остальные – должное: ни настаивать, ни обижаться он не стал, а мгновенно упылил шутить и помогать кому-то еще. Девушек, помимо Ксюхи с Сашей, была еще троица – половина компании, собранной, похоже, быстро, спонтанно и из таких же полуслучайных элементов – но вполне удачно. Хорошие ребята. Уж всяко лучше шашлыка: он оказался жилистым, к тому же поджарился неровно, то угольный хруст, то розовая тянучка – но были еще куриные ноги и колбаса с сыром, много огурцов-помидоров, ну и вино с пивом. Саша вообще-то не пила, тем более вина неизвестного качества: мама настрого велела если уж пить, то дорогое и хорошее, потому что новые деньги будут, а новая печень – никогда. Но тут-то, успокоила она себя, качество известное – столовое крымское, низший сорт, отрада малограмотных, но патриотичных пенсионеров и отбитых студентов. Вода со спиртом и сахаром плюс немножко химконцентрата, будем считать той же но-шпой, только с градусом. Все лучше, чем вискарь, пафосный и, подозревала Саша, отчаянно дорогой.

Тяжелую бутылку извлек из своего – тоже явно недешевого – рюкзака Алекс и стал наседать с угощениями на всех, особенно на девочек, с таким усердием, что у Саши опять возникли сомнения на его счет – и насчет возможной ночевки с безобразиями и ужасами. Но границ Алекс переходить не пробовал, так что Саша успокоилась – и с совершенно спокойным изумлением наблюдала за тем, как литр односолодового виски умеет исчезать за пять минут стараниями четырех не слишком крупных парнишек и троицы девочек. Ксюха, понятно, была

в их числе, а девочка Влада и сам Алекс не пили, потому что за рулем. Саша оценила, между прочим.

После вискаря и вина народ стал потешным и неагрессивно удалым: вполголоса пел, плясал, не вставая, щекотал соседей душевными шепотками и рассказывал мучительно смешные истории, перетекающие одна в другую и никогда не доходящие до конца. Саша огляделась: вокруг все были такими, опьяненными больше холодной свежестью и хвойным дымком, чем алкоголем, мило веселыми и незлыми. Она улыбнулась, потерла холодный, оказывается, нос холодными, потому что держат пластмассовый стаканчик, пальцами и уютно поежилась, вползая чуть глубже в тепловой кокон внутри накинутаго поверх куртки пледа. Рядом немедленно присел Алекс с заботливым лицом. Саша слегка напряглась, но он не стал вторгаться в уют словами или жестами, молча улыбнулся, поставил перед Сашей пластиковую мисочку с ломтиками апельсина и груши и отошел. Апельсин и груша были сладкими – это ладно. Они были ровно тем, чего Саше ровно сейчас не хватало для полного счастья. А теперь хватило.

Саша запрокинула лицо, прикрыла веки и замерла, прохладное небо нежно взяло ее за щеки, а счастье длилось, длилось и не кончалось.

– Сашк, паддъйооо! – крикнул кто-то пьяненьким Ксюхиным голосом, но на голос шикнули и пробормотали что-то про не мешай, видишь, хорошо человеку, – аккуратно подняли под локотки и повели. Саша чуть разомкнула ресницы, убедилась, что небо, хоть и поворачивается, но остается на положенном правильном месте, земля под ногами неровна, но прочна, а ведущая ее рука тверда, но заботлива, – закрыла глаза снова и, хихикнув, поплыла дальше, в кресло. Правый бок и локоть с мягким щелчком подперла дверь, слева тепло надавили на бедро и плечо, Ксюха обнимает и гогочет: «Натолкнулась на небесную ось», на нее опять шикают, она отвлекается – судя по чмоканию и хихиканьям, всерьез, – зажигание, мотор зажужал, качнулись, закрутились, полетели.

Ерундовый серый день оказался секретиком, про какие рассказывала мама. Сама-то Саша так ни разу ничего подобного и не соорудила, хотя собиралась сто раз, но повествованием мамы про ямку в земле, на дно которой кладешь какое-нибудь детское сокровище типа стражика, колечка или куколки – наверное, маленькой, как из киндер-сюрприза, – а потом перекрываешь ямку стеклом и засыпаешь землей, чтобы через неделю, месяц или год раскопать и убедиться, что твое сокровище так и живет в спокойной темноте, дожидаясь света над стеклянной крышей, и иногда даже дожидается, – так вот, этим рассказом Саша была очарована так, что самые удачные дни и часы стала утрамбовывать и зарывать в памяти, как такие вот секретики под цветным стеклышком. Сегодня стеклышко было серо-голубым, как дымок на пикнике.

Таким же серо-голубым был полумрак за окнами и даже потолок машины, когда Саша открыла глаза. Она еще пару минут любовалась этим бесконечным секретиком сквозь прозрачное отражение собственного носа, подсвеченного удивительно дальнобойными огоньками приборной доски, потом снисходительно отвлеклась на Ксюху с Матвеем. Они отвлекаться не собирались. Саша ухмыльнулась, в зеркале заднего вида ей ответно ухмыльнулся Алекс, совершенно, казалось, поглощенный негромкой беседой с мальчиком Пашей, который сидел впереди. Саша смутилась, опустила глаза, предсказуемо разозлилась, вскинула глаза, натолкнулась на подмигивание Алекса, смутилась повторно – но Алекс уже смотрел только на дорогу.

Саша посопела и снова уставилась в серо-голубую природу, пролетающую за окнами. Секретика больше не было, не было и расслабленного счастья. Были легкая нервозность и предвкушение. Не то чтобы дискомфортные, честно говоря.

Что ж меня колбасит-то так, подумала Саша с некоторым недоумением, прислушиваясь к себе. Но ответа не расслышала: Ксюха наконец отлепилась от Матвея и обрушилась на Сашу с жаркими просьбами понятного содержания: а можно, пожалуйста, Матвей у нас переночует, можно-можно, а, мы тихо, мы мешать не будем, честно-честно, а я тебе за это, уй, Сашк, ты такая лучшая, я тебя люблю!

Они действительно вели себя тихо – во всяком случае, постарались. К Матвею в любом случае не возникло претензий: не орал, туалет почти не занимал, сидущку на унитаза поднимал-опускал, в трусах по квартире не шлялся, холодильник не грабил, а наоборот, умудрился – Саша так и не поняла когда – загрузить туда пакет овощей и пару контейнеров с недобитыми куриными ногами. Словом, был противоположностью предыдущих Ксюхиных кавалеров.

И утром за завтраком Матвей был вежлив, весел и мил, к тому же помыт и чисто выбрит вокруг бороды. Пожарил на всех яичницу, порезал овощи и хлеб, расставил тарелки, сварил кофе – не соседкин ухажер, а просто скатерть-самобранка с функцией приятной беседы. Даже стыдно было раздражаться из-за того, что пришлось одеться и накраситься к завтраку, а не выпереться, как любит и как привыкла.

Не насторожила Сашу даже затянувшаяся прощальная беседа голубков – ей ли не знать, с какими лицами и каким тоном иногда приходится нежные вещи шептать. Она просто нацепила наушники и углубилась в проклятую курсовую, что за истекшие сутки сама почему-то не сделала. Хорошо углубилась, даже не заметила, как парочка наконец-то разлепилась и носитель игрек-хромосомы покинул помещение, а носительница всего остального замерла в нетипичной точке и в нетипичной позе.

Саша зацепила эту нетипичность то ли краем глаза, то ли тепловой точкой на ухе, поди пойми, но на какой-то там секунде подняла голову и убедилась, что Ксюха и впрямь, по-бабьи подперев поясницу, угрюмо рассматривает незнакомый рюкзак.

– Забыл, что ли? – спросила Саша рассеянно и почти уже скользнула обратно в код, но что-то не пускало. Она подняла голову. Понятно что – странность поведения Ксюхи. Любимая соседка даже в спящем состоянии меняла позу раз в пять минут, а уж бодрствовать на месте не умела в принципе. А сейчас стояла и смотрела.

– Там таракан или что? – спросила Саша со вздохом и тут же поняла, что нет там тараканов, пауков и прочей живности, иначе Ксюха уже сидела бы у Саши на плечах и на весь квартал требовала срочно убить несчастную тварь.

– Ксюх, – сказала Саша, откладывая наушники и вставая, – ты чего вообще?

Ксюха вздрогнула, посмотрела на Сашу испуганно и снова уставилась под ноги. Впрочем, голос у нее был почти обыкновенный:

– Да не, нормально все. Матвей просто сказал, вечером заберет сам или из друзей кто. И я что-то...

– А что это? – спросила Саша, подходя.

– Ну... вещи, – сказала Ксюха и посмотрела на Сашу еще испуганней.

Саша хотела уточнить, что за вещи, а заодно спросить, когда и откуда взялся рюкзак – когда вечером заходили, у Матвея за спиной здоровенный синий был, а этот компактный черный, то ли внутри прятался, то ли с утра вместе с овощами возник, – и вдруг поняла.

– Так, – сказала она. – Давай-ка посмотрим, что там.

– Ты чего! – воскликнула Ксюха, не меняя градус испуга. – Чужой же.

– Вот именно, чужой. Как в кино. Открывай, посмотрим.

– Нельзя, ты что, э!.. – воскликнула Ксюха и чуть дернулась вслед за Сашей, подхватившей рюкзак, – впрочем, несильно дернулась.

Саша все-таки отошла на пару шагов, попыталась расстегнуть молнию и обнаружила, что собачки схвачены хитрым стальным замочком.

– Так, – повторила она и общупала рюкзак.

Он был легким и мягким, к тому же не шуршал, так что Саша засомневалась и повернулась к Ксюхе – но вид у соседки был таким виноватым, что сомнений не осталось.

– Ксюх, я серьезно сейчас: что там?

Ксюха, хлопнув губами, сделала неопределенный жест, потерявшийся в плечевом поясе.

– Матвей этот твой – он вообще кто? Ты его давно знаешь?

– Ну он студент в технологическом, и работает, и нормально все, чего ты придумала, – торопливо заговорила Ксюха, протягивая руку. – Давай сюда.

– А чего зависла тогда? – жестко спросила Саша и подняла рюкзак. – Понимаешь ведь, что здесь, да? Что это или подстава, или... Я не знаю, или еще хуже, просто ты для него перевалочный пункт, – понимаешь, да? И я тоже из-за тебя, понимаешь?

– Можно, пожалуйста, не орать? – спросила Ксюха, приходя в себя. – Придумала что-то себе и кипешит.

– Придумала, да? Тащи нож, откроем и увидим, что я там придумала.

– Ты что! А вдруг там ничего такого!

– А вдруг наоборот? – поинтересовалась Саша. – Тогда что?

– Да, тогда – что? – спросила Ксюха, зверея. – Распорешь рюкзак, найдешь, чего хотела...

– Я хотела?!

– ...И дальше что? Придут, увидят...

Саша на секунду замерла, дав взрыв негодования, который мог перерасти черт-те во что – например, в визг «Ты же нас подставила», истерику и, может, даже удары по глупому Ксюхиному лицу, старательно выдохнула, вдохнула и швырнула рюкзак соседке под ноги. И сказала, стараясь не звенеть голосом и тем более не рыдать:

– Чтобы не было его здесь, поняла?

Ксюха поспешно подняла рюкзак, вцепилась в него обеими руками так, что костяшки побелели, и тихо спросила:

– Куда я его – выкину, что ли?

Саша пожала плечами. Во рту был иней, а лицо горело.

– Или пойду туда, да? – уточнила Ксюха так же тихо. – Чтобы меня приняли, да?

– А лучше, чтобы пришли и обеих, да? – уточнила Саша в ответ.

Ксюха начала было:

– Да с чего они... – и замолчала, закусив губу.

Саша ушла в свой угол и принялась впихивать в собственный рюкзак тетради и выписки, стараясь говорить как можно спокойнее:

– Короче, так. Я в библиотеку, буду там до закрытия. Это до шести. Вернусь когда – чтобы этого вот здесь не было, поняла? Ты поняла или нет?

Она дождалась потерянного кивка Ксюхи, лютуя на нее и на себя, впихнула последнюю стопку бумаг – смяла и порвала, кажется, все на свете, да чего уж теперь, – и зашагала к двери, накидывая кофту на ходу. Из открытой двери в спальню пахло одеколоном Матвея. Сашу перекосило, и она, обуваясь, прошипела:

– И этого – чтобы духа не было, никогда! Поняла?

– Разоралась-то, как будто... – начала Ксюха, распаляя себя, да так и не смогла – сникла.

Саша вышла, грохнув дверь, лифта ждать не стала – быстро сбежала по лестнице, разок едва не вывихнув лодыжку. Развеялась слегка, вытеснив злобой обиду, – а на улице все равно разревелась.

И, конечно, сразу позвонила мама. Как чует.

Нет, просто совпало. Даже по поводу голоса всего полминуты мучила, согласилась с тем, что у дочери может быть простуда, ритуально попросила не бегать без шапки и шарфа – и перешла к делу:

– Саша, папе позвони, пожалуйста.

– А что такое? – спросила Саша, замерев.

– Его поддержать надо, а у меня не получается в последнее время, ты же видела – наоборот выходит. Я уж как его просила не идти к начальству пока, и вот... Саш, неприятности у папы на работе. Увольняют его.

Глава седьмая

Оксана влетела в кабинет, нервно сжимая файл с бумагами, замерла у стола Митрофанова, огляделась и сдержанно спросила:

– Где Митрофанов?

Народ, углубленный в отчеты, не обратил внимания, только дисциплинированная Савельева оторвала голову от бумаг, поморгала, отматывая оперативную память к вопросу начальницы, огляделась и предположила:

– Гуляет, наверное.

– Какое гуляет? До перерыва час еще.

– Тогда в туалете.

Оксана, зверея, звучно швырнула файл на стол – народ вздрогнул, поднял и тут же опустил головы, – и уставилась на Савельеву. Савельева посмотрела в ответ и холодно продолжила:

– Или в кафе, или домой пошел.

И снова уткнулась в бумаги.

Оксана потюкала ногтями по столешнице, схватила файл, чуть не обрушив на пол лоток с издевательски аккуратными стопками документов, и ушла, бросив:

– Я на выезде, если что срочное, пусть звонят.

Митрофанов и впрямь нашелся в кафе – в той самой «Наташе». Сидел за дальним столиком у окна перед пустой чашкой кофе. И, как ни странно, почти сиял.

По телефону разговаривает. Радость у него такая.

Оксана секунду постояла у столика, сверля Митрофанова взглядом, потом привычно уже швырнула файл на стол. Митрофанов бегло покосился на бумаги и продолжил в трубку:

– Ну что ты, Саньк. Все нормально будет. Отдохну, съезжу куда – хочешь, вместе с тобой? Да хоть сейчас. Почему, во Вьетнам или Тай можно вполне, завтра или с выходных.

Оксана вздохнула, отодвинула стул, села и жестом пресекла намерения легшего на боевой курс официанта. Митрофанов невозмутимо продолжал:

– Мама? Так у нее-то работа, видите ли, то-се, ее ж не... Сама поговори, может, захочет. Я – нет. Санька, давай потом. Да. У тебя-то как? А с голосом чего? Понятно, без шапки опять, мамки на тебя нет. Тоже простыл, ага. И на меня, получается... Тем более про Вьетнам подумай. Ладно, ладно. Спасибо за звонок. Не переживай. Целую.

Он отложил телефон, все так же задумчиво улыбаясь, повернулся к Оксане и церемонно поздоровался.

– Здравствуйте, Даниил Юрьевич, – зло сказала Оксана. – Довольны?

Митрофанов секунду подумал и с некоторым изумлением признался:

– Вполне.

– Н-ну, рада, – сказала Оксана еще злее. – Дальше что?

Митрофанов пожал плечом.

– Сложный выбор: Вьетнам или Таиланд. Слышали же.

Оксана сдержалась и даже не процарапала столешницу насквозь. Помолчала немного и спросила:

– Даниил Юрьевич, вот зачем было так, а? Я же просила не соваться к главе пока. Время не то, настроение не то, да и некоторые вещи я говорить не могла, но понятно же, даже вам должно быть понятно, что сложно все. Зачем полезли, тем более сегодня?

– Оксана Викторовна, да какая разница-то.

– Какая. Такая, что я просила. Я вас просила, правильно?

Оксана беспомощно посмотрела на Митрофанова. Захотелось плакать.

Митрофанов завожился на стуле, попытался отхлебнуть из пустой чашки, хмыкнул и раздраженно произнес:

– Ну простите, Оксана Викторовна.

– Ну простите, – зашипела Оксана. – Вы, значит, в Таиланд, а мне теперь куда? Без единственного вменяемого сотрудника и без перспективы! Вы же на самом деле не хороший план предложили, а единственный, если без дураков-то. Ничего другого мы не придумаем. Подождали бы немного – победителями на нем выехать могли, с премиями и решением проблемы, и отдел, и администрация, и весь город. А теперь Балясников никогда уже такого не примет, раз вас послал и орал на весь этаж.

– Значит, не надо ему, – сказал Митрофанов. – Пусть дальше придумывает.

Оксана чуть не сорвалась на крик. Сдержалась, потому что видела: Митрофанов ее провоцирует, а самому-то ой несладко. К тому же она не теряла надежды разрулить ситуацию. Иначе зачем сюда прибежала-то, аки брошенная невеста? Не скандалить же и не мотивы уточнять. Их знать не помешает лишь в случае, если с Митрофановым придется дальше работать. А не придется, похоже. И проблема тут не только в воле начальства, но и в желании подчиненного. Вот уж чего не ожидала.

– Даниил Юрьевич. У меня огромная просьба. Очень коротко и четко объясните, пожалуйста, что вы сказали главе и что он – вам.

– А вам как будто не объяснили еще.

– А вот представьте себе. Наговорили всякого, наорали, потом Ираида заявление ваше показала, чтобы я визу поставила.

Она сделала паузу, уже понимая, что Митрофанов ни в жисть не спросит, поставила Оксана визу или нет. Гордый. С перебором.

А Митрофанов точно не заметил паузы или не понял, для чего она. Он вздохнул и впрямь очень четко и коротко принялся рассказывать:

– В общем, я в архиве порылся и нашел. Больше, чем собирался. Свалка не просто незаконная – это судами подтверждено. Было два представления прокуратуры и судебное разбирательство с решением: нарушение законодательства немедленно прекратить, свалку закрыть, землю привести в исходное состояние. То есть я точно не знаю, само решение не нашел, только ссылки в бумагах правупра, а картотеки дела за этот период в сети нет. Не суть. Это когда за Саакянцем зачищали – а, вы не помните, поди. Короче, Балясникову даже придумывать ничего не надо или, там, дополнительные решения через аппарат и сессию проводить. Он просто берет действующее решение из архива и закрывает свалку, ссылаясь на прокуратуры и суд. И дальше все разбираются с ними, а мы умываем руки и требуем компенсации ущерба.

– Прокуратура с судом как решили, так и обратно откатят, сверху цыкнут – и вопрос решен, а мы крайние, – возразила Оксана.

Митрофанов крутнул головой.

– Во-первых, «так», по-простому, не выйдет. Это та еще морока, тем более с судами, хоть они там общаются. Во-вторых, мы дурь эту прекратим, пока не перетравились все, и получим новую точку для переговоров с «Чистой стороной». А это в любой ситуации полезно, в том числе с Гусаком.

– Гусак, если бесится, очень неприятен, а он уже бесится, главе сказали, – объяснила Оксана.

– Да я понял. Но голову не надо отключать, даже когда ссышь, прошу прощения. Ботинки будут целее, а то и голова. И на провода не попадешь. Был вариант соскочить по-хорошему, а дальше типа я не я, сами разбирайтесь. Нет, он начал: «Свою работу делайте, а не ковыряйтесь в делах предшественников, я за них не отвечаю». Хотя именно не отвечать дальше и предлагалось дурачку-то.

– Так и сказал – за предшественников не отвечает? – уточнила Оксана. – И все?

– Много чего еще сказал, компактно так. Обязательства города, обязательства области, мы должны решать проблему, а не спихивать другим на голову, все вот это. Все как Лена... – он замолчал.

Какая Лена, хотела спросить Оксана, но решила, что не время, поэтому осторожно заметила:

– Так правильно же, в принципе.

– В принципе-то, любая мысль правильна, если вовремя ее остановить и обрезать как надо. А не начинать: «Мне такие специалисты не нужны, мне нужна нормальная конструктивная работа, не хотите работать – пишите заявление, найдете себе новое место, где можно вот так спихивать, а искать не хотите – помогу волчий билет оформить».

– А, – сказала Оксана.

– Да мне и без «а» хватило бы. Мальчика нашел.

– В смысле, понятно, чего он на психе таком. Вы же ему отвечали что-то, правильно? А он просил как раз скандалы и демарши не устраивать, и вообще темы до заседания не касаться, и чтобы все помалкивали. Видимо, надеется, что все само рассосется – или пообещали ему так. И тут вы с записочкой. Да еще с перспективами суда. С Гусаком-то судиться – это да, это здоровое такое мероприятие.

Митрофанов ухмыльнулся. Оксана продолжила:

– Он Ираиду бедную так накрутил, она меня аж в телеге посланиями закидала, конспираторша: типа шеф в бешенстве, Митрофанов заяву написал, беги спасай.

– Да не надо спасать никого, – сказал Митрофанов лениво. – Город надо спасать, но вы этим заниматься не собираетесь.

– А кто этим займется?

– Да уж не я.

– Ну почему же.

– Потому что я уволился.

– Да ладно, – возразила Оксана и хлопнула по файлику. – Вот ваше заявление, я визу не поставила, без нее рассмотрению не подлежит. Вы болеете, вон, в нос говорите, слышу же – корпоратив и по вам ударил, так?

Она мучительным усилием заставила себя обойтись без паузы и пронзительного взглядывания в лицо Митрофанова. Оно, впрочем, было спокойным, и не было в нем ни непростительной иронии, ни постыдного уныния. Усталость была и злости немножко. Но это нормальное мужское сочетание, если с силой в комплекте. Сила вроде была. В комплекте.

– И слава богу, что ударил. Воничу не чувствую. Хороший вариант для всего города, кстати – всегда с насморком ходить. Может, и впрямь лучше на курорт не ехать – вылечусь, а как тут дальше жить, если лучше не будет?

– Так пусть будет, – сказала Оксана настойчиво. – Сейчас идите в поликлинику, больничный оформите, больного никто не уволит.

– Ой ли.

– Если что, не в том, так в этом смысле на болезнь сошлемся – мол, вы потому на рожон и полезли, что под температурой.

– Оксана Викторовна, пожалуйста, не надо меня унижать, – попросил Митрофанов, чуть изменившись в лице.

Ох и гордый, подумала Оксана и вскинула руки, сдаваясь, – и демонстративно, и всерьез.

– Упаси меня бог. Но, Данил, исправлять-то все равно надо. Ты не исправишь, я не исправлю – кто исправит-то, если глава не может?

– Теперь мы на «ты»? – поинтересовался Митрофанов, не дождавшись ответа, всмотрелся в Оксану и уточнил: – Теперь мы всемогущи?

Оксана честно подумала и призналась:

– Нет. Но жить-то хочется. Значит, придумать что-то надо.

Митрофанов так шевельнул челюстью, что стало понятно – сейчас предложит: «Вот и придумывай, но без меня». Но сдержался и спросил почти деловито:

– Что, например?

– Да господа, вариантов куча. Всегда же придумывается что-то, тем более когда об экологии речь. Помнишь, в девяностые депутаты продвигали проект захоронения мировых ядерных отходов в России? Территория огромная, не жалко, пускай сюда везут, платят. Но не разрешили же. Потому что мы не свалка.

– Здравсьте.

– В смысле?

– Что «в смысле»? Сорок лет замечательно ввозили, безо всяких. Просто формулировку изменили в законе – и привет. Потом официально перестали, но на самом деле – фиг его знает. Это предмет гостайны. А гостайна, сама понимаешь, бывает только там, где есть что скрывать. Мы – свалка. Для них мы – свалка. Запомни.

– Для кого, для иностранцев?

– И для тех, кто им разрешает.

– Ну и... что делать? – спросила Оксана растерянно. И замерла. Она на самом деле ждала ответа от этого человека, которого еще неделю назад считала едва ли не самым бессмысленным и серым куском окружающего мира.

– Во-от, – протянул Митрофанов, строго рассматривая Оксану. – Я работу потерял, простыл, живу в центре свалки, дочь уехала, жена бесит. Что делать – накатить.

– Здесь не надо, – сказала Оксана.

– Что так?

– Работа рядом.

– У тебя, – уточнил Митрофанов.

– У меня и водка есть. Дома, я ж говорила.

– Дома и у меня есть. Я ж говорил.

– И чего здесь сидишь?

– В смысле?

– Водка есть, жена есть. Еще варианты есть.

– Черт, давно надо было уволиться, – сказал Митрофанов с удовольствием.

– Так что делаем? – деловито спросила Оксана.

Митрофанов посмотрел на нее, уставился в окно, за которым, конечно, ничего интересного не было и в такой теплый вонючий день быть не могло, и жестко ответил:

– Ты подмахиваешь заяву, я занимаюсь своими делами, как-то так.

– Даниил Юрьевич, слушай, я вот какой-то сукой была или тварью? – спросила Оксана, чувствуя горячую планочку под нижними веками, еще на пару миллиметров сдвинется – хлынет.

– О господа, – сказал Митрофанов, не отрываясь от окна, за которым пробежала ошалевшая белесая собака.

– Так если нет, хоть раз просьбу выполни, хоть одну. Пожалуйста.

Митрофанов показал, что слушает.

– Погоди недельку. До следующего понедельника, не дольше. Даже до выходных. Потом – что хочешь: уходи, дверь поджигай, гусаков люби. Но неделю подожди, ладно? Личная просьба.

Неделю ждать не пришлось – хватило суток.

Глава восьмая

Ивану не повезло – потому что сам виноват. Мало того что вышел в офис, хотя мог еще пару дней спокойно дома отдыхать, так еще и попался начальству на глаза. Начальство и обрадовалось: «О, Иван Сергеевич, выздоровели? Как славно-то. У нас сроки по подготовке кредитной линии мэрии горят, они там тянут, правление уже головы снимать готово – обеспечьте, пожалуйста, согласование с их стороны».

После этого поздно было совать начальству под нос гипс, мужественно морщиться, а тем более объяснять, что Иван не занимался этим проектом, если не считать участия в расчетах по срокам окупаемости мусоросжигающего завода в зависимости от величины тарифов с предприятий и домохозяйств. В офисе появился – работай. И что делать, если вся работа банка в условиях падения доходов населения сводится к выбиванию кредитов и рассовыванию новых кредитов, чем крупнее, тем лучше? А после окончательной остановки мехзавода и банкротства птицефабрики Желтый дом остался и крупнейшим, и единственным платежеспособным, и, само собой, перспективным клиентом. А Иван остался чуть ли не единственным дееспособным представителем отдела по работе с крупными клиентами. Отдел как-то враз иссяк: одного спеца забрали в область, другая болеет третью неделю, и там, говорят, все плохо, третий и впрямь переехал, а все считали, что шутит – ему до замуправляющего год максимум оставался. Штат скукожился до пары предпенсионеров, которых уже не уволишь, пары вчерашних стажеров, которым даже в футболе довериться страшно, лонгета не даст соврать, – и Ивана.

Он вздохнул, взял бумаги и пошел в Желтый дом.

Вздыхал не зря. То есть поначалу все сложилось нормально: в финансовом департаменте и управлении городского хозяйства Ивана заверили, что с их стороны все согласовано и подписано, а в правовом замначальника сообщил, что сам не в курсе, но начальник сейчас на совещании у главы, в том числе и по данной проблеме.

Замначальника оказался неплохим парнем, Иван душевно провел с ним полчасика за кофе и трепом об общих знакомых и общих же интересах, которых нашлось неожиданно много – а тут и начальник департамента вернулся. Он был разгорячен и немножко в мыле, поздоровался настороженно, но, узнав, откуда Иван, расслабился, – правда, нервно хохотнул, не объяснив причин смеха и нервозности. Начальник департамента подтвердил, что речь о мусорной линии шла вот ровно сейчас, глава в принципе одобрил условия и, скорее всего, подпишет бумаги не сегодня-завтра.

Иван обрадовался и попробовал немедленно обрадовать начальство. Начальство радоваться не пожелало. «Я слышу про “не сегодня-завтра” так давно, что убедился – да, это не сегодня и не завтра», – сказала начальство и велело, с одной стороны, не возвращаться без подписи главы хотя бы на план-графике, с другой – вернуться до вечера.

Иван уныло обещал постараться, дал отбой, принял от руководителей правового управления толику молчаливой жалости и пошел в приемную Балясникова.

В приемной уже тупили в телефоны трое. Секретарша сразу предупредила, что Ярослав Антонович занят весь день, расписана каждая минута, так что лучше завтра с утра попробовать, там окно есть. Иван смерил выразительным взглядом троицу успевших раньше. Секретарша обиженно сообщила, что им это тоже предлагалось. Троица оглядела собеседников с усталой иронией и снова уткнулась в экранчики.

Иван аккуратно разместился в свободном кресле, извлек телефон, устроил гипс на сложенной куртке и углубился в чтение «Бесконечной шутки» – наушники в присутственных местах не положены, а про роман много слышал, давно скачал, всё руки не доходили. «Шутка» чарующе переплетала извилины, да и обстановка была вполне библиотечной: тепло, светло, тихо, никто почти не шевелится и ничто не воняет – очевидно, завхоз Желтого дома вовремя

озаботился частой сменой фильтров в кондиционерах. Так что опомнился Иван только на двадцатой примерно сноске, да и то не самостоятельно, а потому, что конкуренты по живой очереди вдруг зашевелились, поднялись и, негромко переговариваясь, покинули приемную – правда, без верхней одежды, очевидно, скрытой во встроенном шкафу-купе. Иван проверил часы и обнаружил, что обед идет уже десять минут. И не в том беда, что родной желудок обездолен – он привычный, – а в том, что глава как видный фрагмент бюджетной сферы способен проигнорировать законный перерыв лишь в категорически чрезвычайной ситуации. Если такая ситуация происходила прямо сейчас, ждать дальше было бессмысленно. Если же ее не происходило...

Иван встал, незаметно потянулся, чуть не обронив куртку, и подошел к секретарше, которая ни на него, ни на ушедших товарищей внимания будто не обращала, но сказала тут же:

– Столовая на первом этаже, по лестнице и вправо, там найдете.

– А Ярослав Антонович...

– Нет, он не там, у него деловой обед.

Иван недоуменно оглянулся на дверь и сообразил, что она может быть и не единственной в главном кабинете города.

– А, – сказал он, стараясь убрать с лица глупое выражение. – А когда вернется примерно? Секретарша пожала плечами.

– Как встреча кончится. Час-полтора обычно. А в два у него совещание с водоканалом.

Так что лучше завтра.

Вот зараза, подумал Иван. Подлю, через заднюю дверь, в женском платье. А мне что мешает так же, через заднюю?

– А где встреча, не подскажете? – спросил Иван, осторожно вдеваясь гипсом в рукав.

– Не подскажу, – отрезала секретарша, но глядела с сочувствием.

– Но рядом, так? – уточнил Иван, не теряя времени, решил, что молчание и мимическая пауза сойдут за знак согласия, и тут же развил успех: – Но не пиццерия же, правильно? И не «Наташа», так? Значит, «Бостон».

– И не «Наташа», – подтвердила секретарша с улыбкой и отвернулась к монитору с пасьянсом.

Иван поблагодарил и ушел.

На улице пекло и воняло, шарф уже не спасал. Иван торопливо пересек площадь перед Желтым домом и нырнул в заглубленное на полтора этажа антикрылечко ресторана «Бостон». Ресторан вопреки названию славился неплохой венгерской и болгарской кухней, задранными ценами и репутацией места, удобного для любого типа переговоров, от подчеркнуто официальных до подпольных во всех смыслах. Менты и фейсы относились к этому с пониманием, хотя сами предпочитали обедать в паре специальных кафе рядом со своей Будкой смерти.

Иван остановился в небольшом вестибюле и, неторопливо стягивая куртку, попытался разглядеть что-нибудь за проемом, обрамленным тяжелым синим занавесом. Наверху сыграла дверь, стало темнее – спускались как минимум двое. Иван сделал вид, что увлечен развешанными по стенам пинап-картинками пятидесятых.

Пришельцы беседовали, брюзгливо и в полный голос:

– Вонница, блин, как вы живете тут вообще?

– Так а я про что.

– Про то, да не про то. Короче, чтобы в руки взял, понял? Только после этого...

Пара достигла вестибюля и замолчала, увидев Ивана. Иван, не оборачиваясь, ибо невежливо, шагнул навстречу парню в униформе, ровно сейчас выросшему в синем проеме, и протянул куртку. Парень прошелестел: «Секундочку», – и попытался метнуться обратно, но Иван успел сунуть куртку ему в руки. Парень с явной неохотой поменял куртку на номер и скрылся

в гардеробе. Пришельцы ждали – то ли его, то ли пока Иван уйдет. Иван и прошел вглубь не задерживаясь.

Зал был почти пуст: пара мужиков томила у бара, причем бармен отсутствовал; третий, еле заметный, но, похоже, здоровый, сидел за столиком у дальних, почти неразличимых отсюда дверей. Мужики у бара переглянулись, откуда-то сбоку выскочил еще один, преграждая Ивану дорогу, но заговорил вкрадчиво, не в лад решительности движений:

– Простите, пожалуйста, не обслуживаем сегодня, у нас мероприятие.

Фигасе деловые обеды у главы, подумал Иван. Он бы еще снайперов по периметру расставил.

– Да ладно, – сказал он добродушно. – Мне ж супчику поесть только, замерз и рука разболелась.

Он поводит гипсом перед носом халдея.

– Извините, – отрезал халдей, обозначая выталкивающее движение.

– Слушайте, так нельзя, – возмутился Иван. – Таблички нет, столы не накрыты, что вы мне тут по ушам ездите, мероприятие. Устроили феодализм, вам тут что, как говорится, Путин приехал?

– Что такое? – резко спросил вывернувшийся ниоткуда малорослый мужичок постарше. – Почему Путин?

– Так, – сказал халдей и решительно отодвинул Ивана в сторону, а потом еще дальше, к боковой двери, за которой вроде был банкетный зал. – Пойдемте-пойдемте, будет вам суп, сейчас сделаем, пожалуйста-пожалуйста.

Бесцеремонный напор, с которым Ивана конвоировали к двери, на фоне вкрадчивого голоса был пугающим. Иван торопливо сказал:

– Слушайте, я сам к Ярослав Антонычу по поводу денег на самом деле...

Стало темно – вошли участники интересной беседы про что-то там взятое в руки, перекрыв и без того скудную подсветку из вестибюля.

– Так, – повторил халдей, очень быстро оглянулся на источник затемнения и неожиданно сильно впихнул Ивана в банкетный зал. Иван, чуть не теряя равновесия, впал внутрь, тут же развернулся и воскликнул:

– Э, ты что творишь!..

И замолчал, озираясь.

Чуть ли не четверть стульев банкетного зала была занята: на них, сгорбившись над укороченными автоматами, восседали огромные черные спецназовцы в круглых шлемах. На явление Ивана они не отреагировали. Тем страшнее стало.

Глава рехнулся, коли с такой толпой охранников жрать ходит, подумал Иван обалдело.

Дверь приоткрылась, затворилась, распахнулась. В зал стремительно вошел халдей, который, теперь видно, был ни разу не халдеем – слишком быстрый и слишком злой. Он притиснул Ивана к стене так, что руку в гипсе неудобно развернуло. Иван зашипел. Квазихалдей прошипел в тон ему:

– Кто вы, откуда, о каких деньгах речь?

Иван понял, что ни включать дурачка, ни качать права сейчас совершенно не стоит, и пояснил со всей толковостью, на какую был способен:

– Я из банка, Главинвеста, Иван Матвейчев, мне подпись Ярослав Антоныча нужна, кредитная линия горит.

– Какая кредитная линия?

– На строительство мусоропереработки, чтобы не воняло здесь, – пояснил Иван. – Руку больно, отпустите.

– Да, простите, – сказал квазихалдей, не отпуская. – А что за деньги?

– В смысле? На завод же, город берет тремя траншами, первый был на техзадание, теперь второй и третий – на запуск проекта и расчет с «Чистой стороной». Больно мне, говорю!

Квазихалдей быстро оглянулся на спецназовцев, по шлемам которых невозможно было понять, слушают они тихую стремительную беседу или спят под забралами, и наконец перестал давить, но шага назад не сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.